СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛЕСЯ ОРБАК

ПОД КРАСНЫМ СОЛНЦЕМ НЕ ПЕРЕСЕКАЙ ГРАНИЦ

Annotation

Если с детства не признаешь ограды, разве найдутся границы, которые тебя, повзрослевшего, остановят? История дружбы двух мальчишек, которые очень многое разделили на двоих. Содержит нецензурную брань.

- Леся Орбак
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 3.1 Габ ничего не понимает в искусстве
  - 4.1 Поджигатели

Леся Орбак
Под красным солнцем не пересекай границ

1

Во дворе – дохлая ворона. Раньше ее не было, а теперь валяется возле прогнившей песочницы кверху лапами, загребает ржавую пыль растопыренными крыльями. Ворону мотает с боку на бок, потому что сверху сидит подружка и тычется клювом в развороченное брюхо.

"Наверное – жалеет", – думает Нано. Ему хочется похоронить несчастную, как полагается, он и на забор-то забрался, чтобы приглядеть место за городской оградой. Но мальчишка терпеливо ждет, пока подружка попрощается с мертвой и улетит. Мама говорила, что родных и друзей можно оплакивать, лишь бы солдаты не видели. Иначе сочтут слабым. А слабых забирают от родителей и учат быть сильными, потому что Городу нужны только сильные.

Если честно, Нано устал ждать, пока ворона наплачется. Он заметил мертвую гораздо раньше, вторая прилетела, когда он забирался на бетонный забор. А теперь и спрыгнуть на землю нельзя – птица испугается и улетит.

Сидеть на заборе скучно. Нано уже пятки о бетон отбил, болтая ногами, даром что в ботинках. И красное солнце печет сильно – защитная маска накалилась, липнет к голове. Маску Нано ненавидит, кажется, что воздух без нее вкуснее, через стекла видно хуже и чтобы услышать друг друга приходится говорить громко.

– Как ты туда залез? – кричат снизу, и Нано вздрагивает от неожиданности. Он никогда не видел в этом дворе других мальчишек.

В заброшенных пограничных кварталах всем гулять запрещают. Сюда не ходят даже взрослые; мама говорила Нано, что в развалинах домов прячутся привидения и выгнанные из Города отщепенцы, которые убивают и едят маленьких детей. Однажды Нано услышал, как папин друг рассказывал родителям про Фон, который идет из Института, родители очень испугались этого Фона и снова долго-долго ругали Нано за то, что однажды он принес домой красивые камушки, собранные в пограничных кварталах, хотя он уже отстоял за это в углу целый вечер. После Нано специально научился забираться на высокую бетонную городскую ограду, чтобы посмотреть, чего так боятся родители, но Институт был настолько далеко, что даже стен не

разглядеть, а по рыжему каменистому полю между ним и Городом никакой Фон не ходил.

– Здесь нельзя гулять! – сердится Нано. – Иди отсюда.

Но мальчишка и не думает уходить, вместо этого он хватает с земли осколок кирпича.

– Не надо! – кричит Нано.

Он забывает, что нужно сначала повиснуть на руках, и только потом – спрыгивать. Соскальзывает с шершавого бетона, хотел – на спину наглому пацану, но промазал. И не успел. Камень описывает в воздухе дугу и падает почти в центр песочницы, но ворона все равно встрепенулась. Открыла рот, будто дыхнула в сторону обидчика, и раскинула крылья, взмывая в серое небо.

Падать с высоты забора на коленки – очень больно. Слезы брызжут из глаз против воли, хорошо, что за маской их не видно.

– Ты зачем это сделал? – Нано пытается найти вокруг еще один камень, чтобы отплатить жестокому мальчишке тем же, но кругом только земляные комья, которые рассыпаются в ладонях, да иглы мелкой сухой травы. Зато есть кулаки.

Нано замахивается и бьет так, чтобы попасть в голову, но мальчишка нагибается, и кулак Нано прошивает воздух. Уцепиться бы за маску обидчика, Нано тянет руки, в ответ мальчишка хватает его за рукава и тянет вниз, бьет по коленкам, заваливая на бок. Они катаются в рыжей пыли, и каждый норовит ухватиться за одежду покрепче.

– Зачем ты прогнал ее?! – кричит Нано, стараясь высвободить ногу и пнуть соперника.

– Она ее ела! – отвечает мальчишка. – Она же ее ела!

– Не ври!

– Я не вру! Это вороны, они едят мертвых.

– Едят? Мертвых? – замахнувшись, Нано замирает. Мальчишка, прижатый к земле, крепко держит его за молнию комбинезона – явно собирался дернуть и сбросить с себя. Но не торопится. И Нано не бьет. – Откуда ты знаешь?

– В книжке прочитал, – важничает мальчишка.

Нано быстро оглядывает маску пацана, но на ней нет отметки, что тот ходит в школу – только имя: Пин/хххх.хххх.2489. Салага. Да еще и с чужого района. На квартале Нано 2489-я семейная ячейка не живет.

– Ты врешь, – на всякий случай Нано сильнее прижимает мальчишку к земле, чтобы не вырвался. – Ты даже в школу не ходишь.

– Меня мама научила. У нас дома книжек много.

У Нано дома книжек совсем нет, только старые журналы отца с черно-белыми неинтересными рисунками.

– Если не веришь, могу показать.

– Не нужны мне твои книжки, – сердито бурчит Нано. Несильно бьет мальчишку по рукам, чтобы отцепился, и отпускает сам. Поднимается, вдруг почувствовав, как болят ноги и бока. Опять влетит за синяки вечером.

Нано не особо рвется дружить с умником, но все же бросает через плечо громко, так чтобы он расслышал: "Надо птицу похоронить".

На самом деле перелезть через бетонную ограду Города легко, если знать, где. Недалеко от песочницы, возле переломленных пополам качелей, и без того щербатый забор пошел настолько глубокими трещинами, что можно ухватиться и упереться ногой. Пока Нано карабкается наверх, умник терпеливо ждет внизу, прижимая к груди мертвую птицу.

– Давай, – оседлав ограду, Нано тянет руки принять тушку. Мясистые птичьи ошметки висят на измазанных перьях, пачкают перчатки мокрыми следами. Нано приходится уложить ворону поперек забора, чтобы она не свалилась на землю. – Я спущусь на ту сторону, потом ты залезешь и подашь мне ее сверху.

– Нельзя ходить за ограду, – напоминает мальчишка, но его сопротивление звучит жалко и неправдоподобно. Видимо, салаге и самому не терпится выбраться за границы Города. – А как мы назад залезем?

– Там, – развернувшись, Нано тычет пальцем в раскидистый, сгорбленный тополь. – По тому дереву.

Мальчишка долго глядит на кривые чешуйчатые ветки с жухлыми листьями, но больше не задает вопросов. Они вообще не говорят друг другу ни слова, оказавшись за чертой Города. В полнейшей тишине раскапывают сначала носками ботинок, потом – помогая руками, неглубокую ямку; засыпают рыхлой землей одеревеневшую тушку и, немного постояв над холмиком, не сговариваясь, идут к тополю.

По деревьям умник лазить не умеет. Нано приходится подсаживать мальчишку, подавать ему руку.

Возможно, Нано остался бы в пограничных кварталах до самого вечера: поискал бы в развалинах домов сокровища, покатался на виражах погнутой горки, порисовал бы древесными головешками на городской ограде. Но он любит делать это в одиночестве.

– Я пошел домой, – заявляет Нано и, деловито отряхнув испачканные лазанием коленки, топает прочь из пограничных кварталов.

На городских улицах сквозь маску пробивается грохот и гудеж машин. Нано вслух считает попавшиеся по дороге синие автомобили. Салага-то, поди, и цифр не знает, молча плетется следом, почти наступая на пятки.

На одном из перекрестков мальчишка дергает Нано за рукав и зачем-то представляется.

– Меня зовут Пин.

– Вообще-то я умею читать, – недовольно бубнит в ответ Нано. – Я уже в первый класс хожу.

Ему совсем не нравится прицепившийся салага, и мелкие камни так и лезут под ноги, так и просят пнуть их далеко и высоко, пусть взрослые вопят, что он поднимает с земли слишком много пыли – все равно. Может, выйдут родители этого пацана и заберут его домой. Нано совсем не хочет дружить с таким занудным умником.

Но, спустя два квартала он все-таки произносит:

– А я – Нано.

***

В магазине эта лампа казалась такой красивой: круглая, как мячик, со смешными осьминожками. Пин выпросил ее у мамы, и сам выбрал узкую лампочку синего цвета. Чтобы осветить «комнату Пина» – маленький угол, огороженный высокими, до потолка ширмами – много света не нужно.

Теперь, подвешенная под потолком, лампа выглядит иначе. Круглые бока похожи на большой водяной пузырь, который вот-вот лопнет прямо над кроватью, а тени осьминогов расползаются по стенам и ширмам жуткими чудовищами. Мама считает, что Пин забирается под одеяло с головой, потому что боится ночной темноты,

но Пин прячется от чудовищ, которые остаются сидеть на стенах, даже если выключить свет. Они просто становятся незаметными.

И вообще-то, под одеялом – еще темнее.

– Где новый синяк заработал? – спрашивает мама, помогая Пину натянуть пижамные штаны. После стирки штаны жесткие, кажется, что можно порезаться об их края и совать в них ноги совсем не хочется. А еще они пахнут чем-то резким, неприятным. Пин поджимает под себя ноги, но маме удается натянуть на него сначала одну дубовую штанину, потом – другую. – Так откуда синяк, сын?

– Подрался.

– Разве вас воспитательница не учит, что драться – плохо?

Пин молча забирается под одеяло, не желая оправдываться. У нее самой две новые царапины на руках, но она никогда не рассказывает Пину, откуда. Так не честно.

– Ты должен помолиться, – говорит мама, подает Пину деревянные бусы с крестиком и читает наизусть молитву, заставляя сына повторять. – Спасибо, Господи, что я здоров. За этот день и за эту ночь спасибо тебе. И прости меня, Господи. За грехи отцов, за невежество братьев и за тщеславие выбранных нами вождей, прости всех нас, Господи, ибо не ведали, что творили. Ибо не слушали гласа твоего, пока не узнали гнев твой. А узнав, пали ниц и принимаем кару, тобой назначенную. Спасибо, Господи, что я здоров. Аминь.

В конце положено перекреститься, Пин всегда забывает к какому плечу сначала прикладывать ладонь, поэтому просто елозит руками под одеялом, чтобы мама подумала, будто он все сделал правильно. После она целует его в кончик носа сухими губами и, вернув бусы с крестиком в прикроватную тумбочку, оставляет наедине с притихшими на стенах чудовищами.

Сегодня Пин отчего-то боится сильнее обычного.

– Мам, а что будет, если выйти за границы Города?

Сквозь щель приоткрытой ширмы пробивается свет, мама замирает, держась за ручку, и Пин радуется, что хотя бы на чуть-чуть она передумала уходить. Если повезет, мама останется, снова присядет на край кровати и будет рассказывать что-нибудь, пока Пин не уснет.

– За границы Города? – переспрашивает она так строго, что Пин понимает – не повезло. – Если выйдешь за границы – сразу заболеешь

и умрешь!

Мама уходит, задвинув ширму плотнее обычного, а Пин ныряет с головой под теплое одеяло и путано, пропуская слова, повторяет молитву. Ведь если мама так сильно на него рассердилась, Господь – и подавно.

2

На заднем дворе школы снова черные жирные полосы – следы от древесного угля. Завиваются абстрактными узорами по всему периметру вокруг газона с фигурной каменной кладкой. Художник злобно хохочет и тычет грязными пальцами в окуляры маски Нано:

– Ты нихуя не понимаешь в современном искусстве, придурок.

Нано не понимает. И, к сожалению, не знает урода, придумавшего этот «новый вид искусства»: надевать на третью ногу собаки металлическую трубку со вставленной с другого конца деревянной чуркой, а затем поджигать деревяшку, заставляя псину носиться от огня, вырисовывая на асфальте угольные узоры.

Нано рвется из пальцев, вцепившихся в его руки, чужой локоть сдавливает шею. Рядом дружки Художника пытаются скрутить юркого Пина.

– Далась тебе эта Швабра, – издевается Художник, бьет кулаком в живот – не сильно, просто чтоб прочувствовал.

– Далась, – глухо отхаркивает Нано.

Швабра – дворовая псина, прибившаяся к школе еще до поступления Нано – далеко не ушла. Забилась под скамейку на физкульт-площадке, и пытается содрать с третьей ноги железный набалдажник. Она бьется и, наверняка, скулит.

На соседней лавочке девчонки играют в куклы.

Нано читал, что раньше – до Ядерной Войны – собаки бегали быстрее, на четырех ногах.

Нано читал, что собачья третья нога была хвостом и «торчала вверх пистолетом».

– У тебя большие проблемы с обществом, ты знаешь? – Художнику надоело разминать кулаки, в ход пошли обутые в тяжелые ботинки ноги. – Ты кидаешься на людей… ты бьешь людей в отместку за какое-то… хвостоногое… животное.

– Это ты – животное, – хрипит сдавленным горлом Нано. – А она – живность.

Ему кажется, что еще один удар, и грудная клетка прогнется внутрь.

За эту хвостоногую Нано дерется все четыре года, сколько учится в школе.

На этот раз вышло совсем хреново. Пятеро против двоих – дурацкий расклад, особенно если учесть, что с их стороны – два старшеклассника, включая Художника, а со стороны Нано только Пин, который хоть и неплохо дерется, но все равно – салага.

– Сейчас чуть-чуть полежу и пойдем. – Нано не уверен, что сможет запросто встать. Руки-ноги не слушаются, будто не его вовсе, а оторваны у тряпичной куклы и пришиты к ноющему телу. Сложно дышать. Единственное, на что Нано еще способен – валяться в каменистой земле пришкольного газона и с закрытыми глазами отсчитывать секунды по ударам крови в голове.

Пин валяется рядом. Судя по возне, тут же мельтешит Швабра. Видать, освободилась.

– Слыш, Нано? Ты прикинь, нас так грамотно в узор из камней утрамбовали.

– Заткнись, – нашарив, не глядя, камушек Нано швыряет его в сторону Пина. – Знаешь что, Швабра? По законам древнего рыцарства ты теперь обязана всю жизнь мне прислуживать.

– Нифига! По законам древнего рыцарства она обязана выйти за тебя замуж.

– Урою, – грозит Нано, смеется, спустив на тормозах послестрессовую веселость. – Сча вот встану и урою нафиг.

– Ты сначала встань!

Встать Нано не может, и они еще несколько минут валяются посреди каменного орнамента, корчась и всхлипывая смеха и боли.

После, когда им удается поднять друг друга на ноги, Пин закидывает на плечи школьный рюкзак и предлагает:

– Пойдем ко мне? Предки на работе, можно спокойно почиститься.

Нано не дурак отказываться. Ему еще один повод для родительского бойкота не нужен.

Пин живет очень далеко от школы, в рабочем квартале возле Завода. Типовые двухэтажные дома строились специально для рабочих по принципу «минимум комфорта – максимум химзащиты»,

дезинфекторы узких подъездов, по шуткам жильцов, способны вытравить не только следы грязи или радиации, но и самих носителей из комбинезонов, если задать максимальные параметры.

Двенадцать секунд в тамбуре дезинфектора – и дворовой драки как не бывало. Только ушибленные места ноют, да кровь по-прежнему носится по венам, как угорелая.

Вырваться из тисков комбинезона – блаженство. В квартире Пина всегда пахнет жареной картошкой и аэрозолем «Сосновый лес». Нано шлепает голыми ступнями по теплому пластику пола, вскрикивает, наступив на что-то маленькое и острое.

– Что у тебя тут валяется? – возмущается он, подцепив пальцами впившуюся в пятку металлическую шайбу с двумя торчащими теперь уже в разные стороны зубцами.

– Не знаю. А ты знаешь, что это? – Пин глядит через плечо Нано, навалившись ему на спину и по неосторожности упираясь локтем ему между ребер – как раз на место одного из синяков. Скривившись, Нано выворачивается, отдает шайбу Пину, чешет ушибленный бок.

– Фиг знает. Может, с вентиляции открутилась.

– Надо предкам показать, чтоб ремонтников вызвали, – Пин хмурится, озабочено глядя на решетку вентиляции под потолком. – А то затаскают по больницам, как семнадцать-сорок пятых, помнишь, Сид с Маром в школе две недели не появлялись?

– Когда?

– В прошлом году. Это у них дома что-то с изоляцией случилось, заметили поздно. Так их из квартиры выгнали и в больницу заперли, проверяли на все, что можно. Сид вообще говорил, что на них там опыты ставили.

– На тебе они опыты ставить не будут, – серьезно заявляет Нано. – Я помогу тебе сбежать.

– Ладно, – соглашается Пин и уносит странную шайбу в кухню, оставляет на обеденном столе – на самом видном месте. Пусть родители разбираются.

У Пина нет собственной комнаты – на первого ребенка семейной ячейке площади не полагаются. Зато есть большой шкаф, заваленный печатными книгами, и окна выходят на один из заводских цехов.

Забравшись с ногами на непривычно широкий подоконник, Нано разглядывает куцый дворик между домом и бетонным полотном заводского забора.

– Обалдеть, у вас здесь земля почти синяя.

Пин садится рядом, поджав сизые от синяков колени. Без маски и защитного комбинезона он выглядит еще младше и постоянно дергает веснушчатым носом, будто принюхивается. Первое время Нано не переставая пялился на него из-за этого тика, теперь привык.

– Папа говорил, как это называется, но я забыл, – Пин пожимает плечами. – Какая-то фигня с Завода. Вроде плесени, только неорганическая. Когда она начала появляться, тревогу подняли, даже собирались Завод закрывать. Потом подумали – дома защищены даже от радиации, без масок на улицу никто не выходит, нафига грузиться из-за какой-то плесени?

Бетонный откос оконной ниши приятно холодит спину и хочется сидеть так целую вечность. Нано нравится смотреть на синюю неорганическую плесень, которая вот-вот выживет со двора привычную рыжую пыль Города. Ему видится в этом настоящий микроскопический бунт. Маленькая земляная революция.

– Я слышал, что никакой радиации уже нету, – говорит Нано.

– Тогда зачем мы ходим в масках?

– Не знаю, – Нано давит пальцем на стекло, оно прогибается наружу прозрачной тугой резиной и тут же возвращается на место. – Может, чтобы все были одинаковые. А зачем ты разговариваешь со своим Богом?

Пин снова дергает носом.

– Он спасет мою душу.

– Тебе так сказали, и ты поверил, – дотянувшись, Нано тычет Пина носком в ребра. – Разуй глаза!

– Люди прокляты, – говорит Пин.

И Нано закрывает ладонями уши.

***

Городской госпиталь – жуткое место.

Пин никогда не видел столько человеческих лиц сразу. Синюшные мешки под глазами, тонкая, едва не прозрачная кожа (чаще – сморщенная, как бумажный мешок), трясущиеся руки. И все так

таращатся, будто собираются выскрести из твоей головы самые сокровенные тайны. У Пина настоящих тайн нет. Почти.

От рыдающей мамы пахнет спиртом и какой-то травой. Это лекарство. Сначала она кричала и била ладонями по стеклянной двери папиной палаты, теперь сидит на кушетке тихо, только иногда всхлипывает (совсем как Швабра после «рисования») и грызет кулак. Из приоткрытого рта по ее подбородку тонкой полоской течет слюна.

– Не раскисай, парень, – один из приставленных к папиной палате солдат положил огромную ладонь на голову Пина и треплет волосы. – Твоей матери нужна поддержка, поэтому тебе раскисать никак нельзя. Понял?

Он садится на корточки перед мальчишкой и заглядывает прямо в глаза.

– Твой отец – герой. Благодаря ему, мы найдем и посадим за решетку еще нескольких подонков из Братства.

Пину все равно. Сейчас его папа совсем не похож на героя: в этой чистой больничной рубашке, с прозрачными трубками во все стороны, с выбритым затылком, в том месте, где ему раскроили голову.

Доктора говорят, что папа выживет. Пин не понимает – зачем?

Маме принесли какие-то бумаги на больничном планшете. Пока она ставит подписи толстой, привязанной к планшету ручкой, старая медсестра говорит на непонятном медицинском языке.

– Сделайте все возможное, – просит мама.

Медсестра кивает:

– Конечно.

Когда старуха уходит, мама просит Пина подвинуться ближе и обнимает, прижимает лицом к вырезу своей кофты так, что шерстяные ворсинки щекотят ему нос и совсем нечем дышать. Мама плачет тихо и очень горько, Пин и сам бы заплакал, но он держится.

Он должен быть сильным. Он должен поддержать маму.

От ее слез волосы на макушке становятся мокрыми, она шепчет: «Все будет хорошо, папа обязательно к нам вернется». Дышать все тяжелее, и Пин отстраняется. Вывернув голову, смотрит в щель от приоткрытой двери, как старая медсестра протыкает папину руку еще одной иглой с длинной трубкой, по которой течет лекарство. Пину совсем не хочется, чтобы папа возвращался.

– Мам, если Ад на Земле, а после смерти мы попадаем в Рай, почему ты не хочешь отпустить туда папу?

Из другого конца коридора с грохотом везут металлическую тележку, и Пину не расслышать, что отвечает мама. Тем более, когда она закрывает ладонью рот и вся трясется от всхлипов.

3

Радиочастоты передают: «Братство будет уничтожено. Мирному поствоенному обществу не нужны социопаты и террористы. Вооруженные Силы Города обещают устранить внутреннюю угрозу в самые короткие сроки».

***

Из заводских труб летит пепел. Огромный, размером с тетрадный лист. Он наверно завалил бы заводскую территорию серебристо-черными сугробами, но ветер его разносит по всему городу. Невесомые струпья носятся над улицами, оседают чешуей на мостовые. Счетчик Гейгера на городской башне торжественно клянется, что радиация в пределах поствоенной нормы.

Прыжок одной ногой на скамейку, другой – на ее спинку, и рука Нано сбивает пролетающий мимо лоскут. Крошки сыплются Пину на голову, парень пытается стряхнуть пепел, но тот остается на перчатках и маске черными полосами.

– Жирное что-то, – Нано кривит нос, растирая пепел в пальцах. Подносит ближе к лицу, но разглядеть как следует все равно не выходит – в ветреную погоду окуляры маски мутнеют уже к полудню, если как любой нормальный старшеклассник с самого утра торчать на улице, забив на школу. – Вообще ни на что не похоже. Ни на бумагу, ни на дерево. Что еще горит до пепла?

– Не знаю, – Пин пожимает плечами. Еще один ошметок пикирует прямо в подставленную ладонь, Пин аккуратно касается уголка, и пепел липнет к перчаткам, рвется, как крыло кузнечика – вдоль перепонки. – Может, что-то органическое?

– Надо будет сходить хоть раз на химию, – Нано задирает голову, вглядываясь в свинцовое небо, где плывут пепельные ошметки, разрежая пурпурное зарево солнца. Отсюда самих заводских труб не видно, но Нано уверен, что они до сих пор кашляют в атмосферу прогоревшим… чем-то.

От новой отравы вымерли пауки. Почему именно они – остается загадкой. Крысы, птицы, мухи после пепельной атаки выжили, а пауки осыпались по углам квартир крохотными хитиновыми шариками. Кое-где трупы находят горками, будто умирающие намеренно сбивались в стаи, сползались в условное место ритуально сложить лапы. Будто показывали, как их на самом деле было много. И в каких неожиданных местах.

Рядом с мусоропроводами в домах появились контейнеры, подписанные «Специализированная утилизация специфических объектов органического происхождения». Кое-где на них рядом с трафаретной подписью маркерами приписано «для пауков».

Второй раз на утиль-базу за границу Города лезть не понадобится. С количеством Нано не прогадал – мешка «жирного» пепла как раз хватает на сочную, размашистую надпись «Суки, вам это зачтется» в полную ширину блока заводского забора – метра два, не меньше. Нано загребает пригоршней из мешка остатки и выводит рядом с надписью эмблему Братства.

– Они вообще-то моего отца убили, – напоминает Пин. В творческом процессе он не участвует, стоит на страже, пока Нано вазюкает испачканной ладонью по бетону, оставляя черные полосы.

– А у меня брат полумертвым родился из-за всей этой химической дряни с Завода, – отвечает Нано. – Я же твоим родителям не предъявляю, что он прожил всего месяц. Братство, вообще-то, за свободу борется. Мне жаль, что твой отец попался под руку. Ну не свезло ему. Что поделать? Зато мама твоя ушла с Завода вовремя. Мы ему войну объявили.

– Из-за чего? Из-за подохших пауков?

– Из-за того, что их убило. Пин, ты представь, они создали какую-то дрянь, которая не просто перетравила пауков, хер с ними. Она просочилась через защиту домов, – Нано чешет голову тыльной стороной ладони (проклятое солнце совсем сдурело так жарить, аж волосы от пота слипаются), и на маске остаются серебристо-черные разводы. – Мы знаем, что на заводе изобретают новое био-оружие. Радиацией-то уже не запугаешь. Если хочешь, расскажу. У нас там свои люди работают.

Пин смахивает с окуляра маски жухлый лист, прибитый поднявшимся ветром, но прозреть по-настоящему не рвется.

– Когда-нибудь, Нано, ты перейдешь все границы.

Пока никто по ту сторону забора не засек их присутствия, Нано молча выводит последние линии эмблемы, гордый, что не так давно получил полное право ее выводить.

***

– Люди прокляты. Люди отвечают за грехи отцов.

– Громче.

– Люди прокляты! Люди отвечают за грехи отцов!

– Громче, сын мой!

– ЛЮДИ ПРОКЛЯТЫ, ЛЮДИ ОТВЕЧАЮТ ЗА ГРЕХИ ОТЦОВ!..

Пин поднимается с колен, ощущая на плечах невероятную тяжесть. Во рту сухо, и язык липнет к нёбу. Ноет поясница. Зудят вмятины, продавленные на голенях грубо сбитой скамьей. Кажется, респираторы маски вообще не пропускают воздух.

Через стену слышны пения староверов в соседнем храмном зале. Там безопасно, как в домах, можно снимать комбинезоны и приносить на службу детей.

Они все еще едят плоть Христову, пьют его кровь и просят спасти их каннибальские души.

«Каждому по кресту, – шепчет Пин, пряча в карман деревянные четки. – Каждому по кресту. Пусть никто не уйдет обиженный».

4

У приграничных кварталов запах ностальгии и дополнительного ручного дезинфектора «для детей дошкольного возраста» – зверского материнского оружия, которым заканчивалась любая прогулка. Чтобы почувствовать этот запах, Пину не обязательно снимать маску, достаточно шаркнуть подошвой студенческих ботинок по кирпичной крошке у развалин домов или услышать карканье вороны. Почему-то вороны живут только на окраине. И кружат над безлюдными улицами целыми стаями.

– Граница Города, как граница Вселенной. То есть – Мира, Земли-планеты, – Нано сидит на детской горке и машет рукой на городскую ограду. – Там, дальше – космос. Дикие, неосвоенные дали.

– Ну да, космос, – ерничает Пин, выцарапывая на земляной корке камнем вороний силуэт. – Со своими внеземными цивилизациями, которые, может быть, сумеют надрать нам задницу. Нано, ты ведь боишься… – Пин сам не знает, спрашивает он или утверждает. Кажется, он видит-чувствует страх Нано, словно собственной рукой водит раскаленным прутом в микроне от шеи друга. Но показывать уверенность нельзя, потому что если ошибся – будет обида. И для Нано – обида смертельная.

– Боюсь, – неожиданно легко сознается Нано. – Потому и иду туда. Пин, любой страх, если он не от наших инстинктов – навязанный. Кто-то сказал, что вот эту хрень надо бояться, и ты боишься. Чего угодно: радиации, психопатов, гнева Господня. Ладно-ладно, не буду. Хотя ты знаешь, как я к этой вашей религии отношусь. А вот прикинь, тебе скажут, что надо бояться электрочайников.

– Чего в них бояться-то? Что они оживут, прошуршат по полу в твою спальню, заберутся на кровать и нальют кипятка на яйца?

– Я серьезно, Пин. Слепая вера хуже геморроя. Только представь, вдруг выясняется, что целую партию электрочайников сделали из зараженной пластмассы. Или, скажем, тэны в них скрутили из заряженного сплава. Ты что сразу сделаешь? Само собой, побежишь за новым. Потому что – страх. Ты даже не знаешь, правда ли есть опасность, но перестраховываешься, потому что «а вдруг». Для этого

панику и сеют. Страхом манипулировать легче, чем мозгами, Пин, намного легче.

– Нельзя всегда тупо идти наперекор страхам. Иногда и в самом деле…

– Конечно, – перебивает Нано. Согласно кивает головой и сует руки в карманы, растягивая комбинезон. – Но кто-то же должен это «в самом деле» проверить.

***

Границу Города пересекают на рассвете. За десять лет трещины в ограде раздались еще глубже, теперь можно поставить ногу удобнее, без малейшего риска соскользнуть. Правда, дерево на той стороне совсем усохло, поэтому каждый оставляет за собой переброшенную через ограду веревку, привязанную к перевернутым качелям.

В рейд собралось всего десять членов Братства (Нано среди них самый младший и это вызывает гордость), остальные нашли неотложные дела на Заводе, в штабе, при семьях. Долго спорили, кто останется сторожить веревки на случай солдатского налета. Никакого риска – просто ошиваться целый день по приграничным кварталам с запасными и перебросить их, если приготовленные обрежут. Слишком скучное занятие для рядового члена Братства.

Хорошо, что у Нано есть Пин.

Первые шаги по заграничной земле отнюдь не первые, но впервые – с определенной целью. Здесь, на открытой местности красное солнце не просто светящийся шар, его лучи касаются кое-как защищенного маской затылка не светом – Нано кажется, что именно так жжет раскаленный жидкий металл. Мелкие плоские камни шуршат и ломаются под рифлеными подошвами, превращая тишину в молчание.

Институт впереди, согласно картам, мифам и легендам. Но пока его стены не прорезали ровную линию горизонта, в реальность Ядерного Центра не верится, как в Шамбалу или Рай, о которых рассказывал Пин, как в Лагерь Уродов где-то на Севере.

Первой безмолвие нарушает девчонка. Их в Братстве немного, каждая стягивает грудь эластичными бинтами, ходит вразвалочку, старается говорить грубым голосом. У этой на рукаве бронзовая нашивка(второй ребенок в семье, группа риска при мобилизации), и

это делает ее кем-то вроде отчаянного засранца, которому нечего терять. Заставляет вести себя так, будто война, как ракета, и впрямь может выбросить вторую ступень.

Девчонка обращается к старшему из отряда – единственному, кто перемахнул полувековой рубеж, кто помнит, как было «до». Старший несговорчив, но чистый горизонт и зной, от которых запросто можно сбрендить, в конце-концов развязывают язык.

Старший рассказывает о детстве, когда еду продавали и ели прямо на улице, бросались из распахнутых окон в прохожих мусором, а песок позволял лепить из себя затейливые конструкции. Семейные ячейки выделяли не номерами – фамилиями. Женщины (он это помнит по поведению матери) соревновались, кто лучше выглядит. Мужчины все так же следили за футбольными матчами.

– Мне было лет пять, – вспоминает Старший и описывает в мельчайших подробностях двор своего детства.

Кирпичные многоэтажки по периметру, у каждого подъезда стандартный набор: скамья, две клумбы, три дерева, асфальтовая площадка, исписанная разноцветными мелками.. Из-за проблем с канализацией двор иногда заливает дерьмом, и вонь стоит на три ближайших квартала. Возле кирпичной трансформаторной будки на растянутых между железными опорами веревках сушится выстиранное белье.

На детской площадке соседки прыгают через скакалку. Самого Старшего тоже втянули в забаву – вручили один конец скакалки, второй привязали к красно-синей трубе (краски одного цвета не хватило выкрасить полностью). Соседки прыгают парами, и прямо на ходу меняются – их всего пять подружек, все с одного подъезда – умудряясь не сбить Старшего с ритма. Скакалка шаркает по асфальту вжик-вжик, стучат подошвы, легкие платья задираются в воздухе.

Девчонки прыгают все выше и выше. Земля дрожит под ногами.

В окне напротив видно, как к центру комнаты ползет пианино.

Разбитая посуда звенит сквозь распахнутые форточки.

– Опять на полигоне бомбы взрывают, – одна из соседок замирает, как вкопанная, оглядывается по сторонам, будто хочет разглядеть что-то за кольцом многоэтажек. Скакалка бьет ей по щиколоткам. – Слышите, как земля толкается?

– Поэтому мы так высоко прыгали, – осеняет другую.

Им тоже по пять лет, вся жизнь впереди.

В окне напротив мужик-хозяин двигает пианино обратно к стене.

– Значит, ты в детстве с девчонками возился, – ржот Коренастый. Они со Старшим знакомы уже лет пятнадцать и это стирает субординацию с разницей в возрасте.

– С подругами сестры, – ровно отвечает Старший.

Тема его детства сразу становится табу для шуток.

От неловкого молчания закладывает уши.

Де-факто Нано замечает Институт первым. Сомневается, вспоминая о фате-моргане и ионовых миражах, чистит окуляры, щурится, вглядывается в горизонт, на котором отчетливо выступают силуэты треугольных крыш, словно рваные края Земли загнулись и топорщатся.

– Теперь хоть видно, куда идем, – гаркает рядом Грэг – здоровый, сильный мужик со шрамом от химического ожога на пол-лица. Нано, конечно, не видел, ему рассказывали.

Нано вообще не видел лиц собратьев.

И, обернувшись, не разглядел очертаний Города.

– Мы так далеко зашли? – спрашивает он.

– Поле неровное, – Грэг дружески хлопает его по плечу так, будто выбивает душу из телесного скафандра. – Сплошные холмы. Не почувствовал что ли?

– Нет.

Как и Город, Институт опоясан. Ограда несерьезная – плиты метра два высотой, рифленые, будто обшитые бетонными пирамидами, как раз, чтобы упереться ногой и дотянуться до верха. Первое, что видишь по ту сторону – сухие колючки. Они торчат из потрескавшейся земли, как стая дикобразов, и на фоне двухэтажек из красного кирпича выглядят вполне безобидно. Впрочем…

Весь Институт выглядит безобидно. Никаких зловещих строений и эмблем радиации, разве что вход Ядерного Центра оформлен подобием колонн с золочеными табличками на уровне взгляда, но мрачный пафос напрочь сбивается пузатыми балкончиками второго

этажа. Остальные корпуса, похожие на ниндзя из-за белых полос по высоте окон, сошли бы за среднестатистическое жилье.

Вот только Институт давно пустует. А в застройках до сих пор целы стекла.

По обе стороны от парадного входа ЯЦ – остовы клумб. Выложенные концентрическими кругами валуны и сколотые силиконовые кирпичи. Если приглядеться, можно понять, что камни не просто накидали друг на друга, а уложили геометрически строгими узорами, учитывая цвет, размер и форму каждого.

Грэг подходит к одной из клумб, пинает пяткой верхний ряд, и камни, нехотя, валятся за границу круга. Грэг поднимает самый увесистый, подкидывает одной рукой, пробуя.

– Даже не думай, – осаждает Старший.

Брошенный камень летит аккурат в центр клумбы, гулко ухает в сухую землю как раз напротив и будто в укор уцелевшему окну, к которому Грэг примеривался.

Мутное стекло даже не дрогнуло.

– Двери не заперты, – кричит Коренастый с порога соседнего корпуса, чья дверь и вправду легко поддалась, стоило дернуть за ручку.

Никаких преград, даже немного обидно.

Внутри – тишь. И сырость. Ее хоть и не ощутить кожей, но бесформенные рыжие разводы на посеревших стенах, да размокшие разломы деревянных перил лестницы весьма убедительны. Паркетные плиты так трещат под ногами, что маски – не помеха.

– Лаборатории внизу, – Старший стоит на верхней ступеньке лестницы, ведущей в подвал, поправляет висящий на плечах рюкзак, в котором что-то металлически гремит.

Он мог бы и не уточнять, ведь лаборатории всегда разворачивают в подвалах, чтобы по тревоге быстро залить цементом, типа ничего не было. Нано с Пином это еще в детстве по старым книжкам вычислили.

По праву командира Старший спускается первым. У проржавевшей коробки кодового замка нет сил сопротивляться, и Грэг с легкостью запихивает язычок задвижки обратно в стену.

– Как-то все слишком просто, – сетует девчонка.

Коренастый, протискиваясь мимо нее внутрь, шутливо пихает локтем:

– Не ссы.

Сказки о подземных лабораториях – совсем не сказки. Разве что приукрашены. Трех мощных фонарей вполне достаточно, чтобы осветить казенные коридоры. Они ничем не отличаются от коридоров Городского Правления: те же лампы в решетках, те же обитые пластиком двери с круглыми ручками и плексигласовыми цифрами – номерами кабинетов.

Замки поддаются с первого пинка, отпускают рассохшееся дерево обналичников. С кабинетов брать особо-то нечего. Реактивы в запыленных банках совершенно бесполезны, образцы пород не стоят и сухого пайка, разве что оборудование сдавать в металлолом подпольным коммерсантам, но не факт, что возьмут – такое запросто не сбудешь.

– Нихера тут не осталось, – Грэг швыряет в стену пустой ящик письменного стола и тянется за следующим. – Все документы подчистили, суки.

Коренастый в ответ гремит металлической крышкой системного блока:

– И диски со всех компов повырывали. Кое-где даже порты разворочены, как будто шлейфы с мясом выдергивали.

– Должно что-то остаться, – упрямится Старший за секунду до истошного вопля из соседней лаборатории.

– Счетчики! – орут из-за стены, и вымершие коридоры заполняют топот, грохот перевернутых стульев и брошенных инструментов. – Счетчики Гейгера!

Собратья спотыкаются друг о друга и разбросанную мебель, стремясь подобраться ближе. Эпицентр столпотворения – типовой шкаф, врезанный в стену. Такие установлены в каждом кабинете, но лишь в одном оказалось сокровище – автономный, ручной, *независимый* «Счетчик Смерти». И не один.

Нано вовремя пристроился за спиной Старшего, и теперь из-под его локтя смотрит на россыпь приборов с потухшими дисплеями.

– Батарейки, – сухо командует Старший.

Кто-то слева (хер разберешь в этой давке, кто именно) уже шарит по карманам рюкзака, сыпет в медвежью лапу Старшего тонкие пальчиковые аккумуляторы. В перчатках неудобно вскрывать отсек

питания – утопленная в корпус кнопка слишком мелкая. Спасает пряжка ремня на рукавах комбинезона.

– Подходят? – с тревогой спрашивают из-за плеча.

Старший кивает головой и щелкает задвижкой активации.

Монохромный дисплей приветствует семи-сегментными буквами, перемигивается красно-зелеными индикаторами на корпусе, выводит дикие нечитаемые цифры и, наконец, складывает сегменты в цифру «ноль».

Секунды можно считать выдохами.

Все девять счетчиков на редкость солидарны.

– А вдруг они сломаны? – осторожно спрашивает девчонка. – Не может же быть абсолютного нуля. Здесь.

– Нихуя они не сломаны! – Грэг распихивает собратьев, выбирается из тесного круга. – Просто нас наебывали все это время.

Его рюкзак грохается на обшитый металлопластинами стол, походный фонарь ложится рядом. Схватившись за магнитные замки комбинезона, Грэг не расстегивает – рвет их, освобождаясь от пут, от скафандра, от маски. Его потное лицо блестит, длинные светлые волосы выбились из стягивающей их резинки, торчат во все стороны. Грэг вдыхает полной грудью, смачно сплевывает на пол и непривычно громко рычит:

– Блядь, какая же здесь вонь!

И правда.

Мерзкая, затхлая, прекрасная вонь открытого пространства, хотя подвал – отнюдь не катит на бескрайние просторы, но все же… Все же это – настоящий воздух.

***

Пастырь говорил, красное солнце – символ Ада на Земле.

Почему-то из птиц выжили только вороны, из зверей не мутировали только люди.

У Пина желудок сводит от голода, но пост покидать нельзя, поэтому он пытается, вспоминая проповеди, «питаться святым духом» – размышлениями, воспоминаниями, до молитв дело пока не дошло, но еще пара спазмом и, наверное, придется.

Приграничные кварталы называют «мертвыми», но и здесь тишины не дождешься. Вдоль забора на обломках детских лестниц, качелей и скамеек расселась воронья стая, пародирует сцену семейного совета из древних гангстерских фильмов. Все в черном, орут друг на друга со своих мест, разве что пистолетов не хватает, приходится подбирать мелкие камни и «стрелять» друг в друга из клювов.

Где-то на втором этаже дома, в котором Пин прячется от солнца, не выдержала, поддалась старости деревянная балка или доска. Надломилась с треском, лишила опоры что-то тяжелое, что тут же загрохотало по бетонному полу, распугивая зычным эхом воронью мафию.

– Ну их нахрен, эти развалины, – думает Пин. И закинув веревки в ближний угол, туда, где свалены в кучу рваные листы линолеума и обломки какой-то мебели, выбирается из ветхого дома как пришел – через окно.

Не бояться смерти и лезть на рожон без весомой на то причины – не одно и то же.

На плечах осела пыль. Нормальная, серая пыль – помесь бетона, известки и еще Бог знает чего, гораздо более естественного, чем та рыжая крошка, что запудрила Городскую землю. Пин отряхивает плечи, маску, и пыль послушно ссыпается к ногам, не оставляя на комбинезоне следов.

На тень от куцых деревьев рассчитывать не приходится. Пин уходит в соседний двор, где посреди песочной проплешины завис, накренившись, двухметровый жестяной гриб – дырявый, проеденный ржавчиной.

Хоть какая-то защита.

Сквозь комбинезон прекрасно чувствуется, как накалилась жесть – не прислониться. Пин вытягивает ноги, усевшись прямо на рыхлый песок. Отсюда видны и остатки вороньей стаи (те, которых не спугнул грохот), и городская ограда, правда веревки уже не разглядеть, но подступ к ним просматривается, Пину этого вполне достаточно.

Еще бы воды.

Полдня под красным солнцем не сравнить с их секретными вылазками в приграничные кварталы на пару часов.

– Сдуреть можно, – громко возмущается Пин, чтобы собственным голосом разогнать дурные фантазии, к примеру, о том, что будет, если

человечество не откупится своей нынешней ущербностью. И горящая пустыня из детских кошмаров лавиной расползается перед глазами.

Настоящий сторож заметил бы их еще на подступе ко двору, для Пина молчаливый патруль появился с северной стороны будто из воздуха. Сутулые фигуры, тяжелые, неторопливые шаги – походка «смертоносца», которому насрать кого, когда и где.

«Не солдаты», – понимает Пин слишком поздно, чтобы сбежать незамеченным.

– Стой, где стоишь, – лениво кричит один из «смертоносцев», но Пин уже сорвался с места и несется к дому, в котором спрятал веревки – его полуразрушенные, заваленные хламом коридоры он знает, как свои пять пальцев. Если и удастся уйти, то только по ним.

Угроз в спину не слышно, лишь топот сапог все ближе и ближе. Дверной проем первого подъезда забаррикадирован, сколько Пин себя помнит, до следующего – несколько метров. По приставленной Нано еще в детстве балке Пин влетает в окно и тратит пару мгновений, чтобы затащить балку внутрь, но оно того стоит.

Через два коридора лестница вверх. Один пролет, второй, третий. На четвертом раздаются шаги преследователей, видимо, подтянулись в окно на руках, раз идут по пятам. Сволочи.

На третьем этаже слева по коридорам – тупик. По правой стороне можно уйти двумя путями через параллельные квартиры, Пин ныряет в дальний проход, потому что этой дорогой петля выйдет короче. Настенные надписи мелькают перед глазами мультфильмом. Черно-угольные, выжженные спичками, серые кирпичные… Пин не читает – узнает их, на автомате прокручивая в голове.

Погоня разделилась. Не то, чтобы стены очень тонкие, просто сквозь лабиринт ходов до Пина долетают «специфические» звуки параллельного перехода: треск фанерных листов на полу одной из комнат, скрип панцирной сетки, загораживающей проем. И в спину дышат почти ощутимо.

Еще один лестничный проем, но его лучше проскочить. А вот в следующем один пролет вверх и снова направо, дальше через мебельные завалы (отсыревшие обломки громоздких шкафов и диванов, которые с верхних этажей даже мародерам тащить было впадлу) до лестничной клетки пятого подъезда. Теперь вниз. Через

лабиринт второго этажа до лестницы третьего подъезда и только потом можно будет спуститься на первый – ближе к окнам, из которых безопасно прыгать.

Подъезд четвертый. Тень на лестничной площадке.

Удар в спину сбивает с ног, но упасть не дают чьи-то руки, подхватывают за шкирку, чтобы с силой отшвырнуть к стене, раздолбанной до витража. В плечо бьет острая, звенящая боль, это ерунда в сравнении с глубокими трещинами на внешней линзе окуляра.

– Словил! – орет «смертоносец» и пинает Пина в лицо, не позволяя подняться.

Конец второму окуляру, обод респиратора рассек губу, звон в голове сбивает ориентиры. Пин все равно встает, шатаясь, слепо замахивается на обидчика и от пинка по ребрам валится обратно на бетон.

– Вы обрекаете себя на Ад, – зло выплевывает он, поднятый за грудки, прежде чем новый удар на мгновение выключает перед глазами свет.

– А сейчас мы где? – хохочут откуда-то сверху. В каркающем смехе нет ярости, только азарт. – Мы же уже в Аду. Правда же?

– Точно-точно, – вторят рядом. – Нам терять нечего. Развлекаемся, парни.

Ребристая подошва прессом падает на локоть, сминает кости, и Пин орет так, что у него самого закладывает уши. Сознание уплывает, оно вот-вот покинет парализованное болью тело, Пин уже мечтает об этом моменте. А пока сквозь отупение доносятся обрывочные «тебе адские муки», «в Аду все можно», «доставим в Рай» и неожиданно резкое «Солдаты!».

Одно слово прекратило поток ударов, но посеяло панику. Он должен бежать. При появлении солдат бежать и прятаться, как эти «смертоносцы», не медля, не раздумывая. Куда и зачем, Пин не помнит, просто знает, что очень нужно. Иначе – что-то плохое, опасное, непоправимое.

Опираясь на уцелевшую руку, Пин поднимается сначала на колени, затем – в полный рост. Он делает нетвердый шаг, спотыкается, и пол совсем уходит из-под ног.

«Второй этаж» – издевательски ясно мелькает в голове напоследок.

***

Ветер скрипит песком на зубах. Так разошелся, будто намерен отполировать пустырь, содрав омертвевшие клетки с земельной кожи. В горле кисло-горький привкус, который и сравнить-то не с чем, Нано никогда не пробовал ничего подобного запаху чистого воздуха. «Чистый» – значит, без примесей всякой дезинфекционной химии, как говорит Грэг.

Солнце режет глаза. У двоих членов Братства на белках проступила кровавая сетка.

– Просто мы отвыкли, – отстраненно произносит Старший, глядя на горизонт. Видно, у всех об одном и том же свербит в мыслях.

– Блядь, а хуле? – Грэг волосатой рукой утирает пот с высокого лба, жмурится. – Всю гребанную жизнь под колпаком.

Его перекинутый через плечо комбинезон постоянно норовит скатиться и вот-вот напросится на ритуальное сожжение. Зря что ли Грэг забил свой рюкзак под завязку институтскими спичками?

Кроме них и девяти счетчиков Гейгера тащить из ЯЦ было нечего.

Оказывается, мелкие волоски на предплечьях тоже могут шевелиться от ветра, если он в пику раскаленной земле неприятно, как-то неуютно прохладный и покрывает кожу мурашками.

– Так нос чешется, – досадует Коренастый, скребет сгрызенным ногтем раздвоенный кончик своего огромного носа.

Нано и не знал, что бывают такие, похожие на… задницу? Сдерживать смех, чтобы не спалили даже намека на веселость – задача не из легких, но Нано старается. Озвучивать ассоциации – себе дороже, хоть Коренастый и мужик с юмором. Мало ли?

У одного из собратьев в ухе серьга. У девчонки татуировка на шее. У парня с очень темными волосами азиатские глаза.

Нано знает имена всех собратьев из рейда. И боится при случае перепутать.

Основной звук в мире – это скрип. Скрипит сухая земляная корка под протекторами, скрипит ткань болтающихся за спинами комбинезонов, скрипит чертов песок – или чем там усыпан весь пустырь? – пожалуй, самое противное ощущение от нефильтрованной

атмосферы. Присев на корточки, девчонка тянется к острой траве и со скрипом переламывает тонкий стебель. Довольно хмыкает, уколовшись о копье кончика. Говорит:

– Если гладить в одну сторону… – она ведет вдоль стебля пальцем (белым-белым, и на солнце отчетливо видно, какая кожа тонкая, и как каждая складка-линия пролегает глубокой бороздой). – Он гладкий. А если в другую – шершавый. Прикольно, да?

Нано тоже отламывает себе травинку, гладит прожилки ее длинного узкого листка мизинцем, и внезапно собственные руки кажутся ему отвратительно нежными. «Не мужские совсем», – стыдится он, сравнивая с ладонями-лопатами Коренастого и Грэга, которые шагают плечо к плечу. И карманов в белье нет, чтобы спрятать хотя бы запястья.

– Стоп, пехота, – командует Старший смутно-знакомой фразой из какой-то книжки. – За этим холмом уже покажется Город. Одеваемся.

Ухнули в ощетинившийся сухостой рюкзаки. Зашуршали по земле комбинезоны, загремели застежки, азиат и один из «красноглазых» зачихали от поднятой пыли. Не бросилась упаковываться только девчонка – отступила на шаг и стоит, склонив голову на бок.

– Вы что делаете? – тихо спрашивает она и тут же, опомнившись, взвивается до крика. – Вы какого хера тут творите? Грэг, и ты туда же? Мы ради чего вообще сюда приперлись?

Грэг сразу не находит слов, и Нано с удивлением слышит собственный голос:

– Нас же убьют.

– Всех и сразу, – вступает Старший, не дав девчонке высказать уже растекшееся по ее лицу презрение. – Мертвые мы никому ничего не докажем.

– Девонька, этим блядям пропалить нас сейчас и сразу грохнуть даже на руку. Они ж скажут, что мы – кучка долбоебов, которая сама нарвалась и передохла от лучевой болезни.

– Грэг прав, – Старший натягивает маску, и его голос тут же становится приглушенным и будто искусственным. – Чтобы выжить и завершить начатое, нам нельзя выделяться. Напротив – мы должны слиться с толпой. Пока тебя видят таким, каким тебя хотят видеть, ты незаметен.

– Дану вас на… – бесится девчонка, втискивается в комбинезон. И окончание фразы застревает в фильтрах респиратора.

***

Правда. Все правда.

Пока лежишь в коме, действительно слышишь суету вокруг и иступленные материнские вопли. Господи, а можно это как-нибудь отключить? Заранее спасибо.

***

Стерильность давит на мозги. Всюду белизна и хром: угловой стеллаж с инструментами, кулер, треногий стул, кровать, по бокам которой аппараты с лианами трубок, капельниц, электродов к телу пациента. Палата настолько крохотная, что больше напоминает келью с микроскопическим окошком под самым потолком, так и хочется раскинуть руки, раздвинуть старые стены с вздувшимися трещинами на известке.

Нано жадно глотает ледяную дистиллированную воду из больничного одноразового стакана, зубы сводит – не вдохнуть. Мало воздуха. Настоящего – такого, чтобы до кашля продирал горло «ядовитыми загрязнениями». От халата несет не дезинфекцией – бальзамированием. Нано тошнит от аномальной чистоты, но он не жалуется, потому что Пину гораздо хуже. Человек пытается выжить там, где повымирали микробы.

– Найду этих выродков – урою, – грозится Нано. Мечется по палате от стула к кулеру и обратно.

Мумифицированный бинтами Пин может только моргать: один раз – да, два раза – нет.

– Это все ваша слепая вера. Понаплодили уродов: не фанатик, так отморозок. И знаешь, что, Пин? Ты меня, конечно, прости, но это уже не религия, а терроризм чистой воды.

Он наполняет очередной стакан. Осушает залпом.

– Вот где настоящий экстремизм. Куда там Братству! Рай после смерти, Ад на земле, весь этот ваш сраный Апокалипсис – ложь и провокация. Провокация, – остановившись посреди палаты, Нано перекатывает слово на языке. – Все это – сплошное вранье. Фон, защита…

Еще стакан. Вода течет по глотке, как по стеклянной. Внутри – водоворот. Вокруг – ни пятнышка, ни пылинки, вдобавок стеклянная дверь – сомнительный заслон от снующих по коридору посетителей и врачей. Словно голый, лишенный защитного слоя, и дело не в оставленном в спецхранилище комбинезоне.

– Все счетчики по нулям. Мы их притащили из Института. Целых девять. Как доказательство.

У Нано в кармане – брелок, блокирующий все прослушивающие и записывающие устройства в радиусе трех метров. Такой Братство выдало каждому из Рейда. Рейда с большой буквы.

– Кстати, Пин, без комбинезонов не так жарко, как в них. И настоящий ветер – это такое странное ощущение. Знаешь… – Нано отвлекается на суету в коридоре, мимо палаты толпа врачей мчит одну за другой три тележки. Людей так много – не разглядеть, что случилось. – Хотя, Пин, не буду рассказывать, чтобы кайф тебе не ломать. Когда выберешься отсюда, никто комбинезоны носить уже не будет. Я тебе точно говорю. Старшие сейчас готовят операцию. Надо ведь все грамотно сделать, чтобы не подставиться. Вот увидишь, все не зря. Мы будем героями, Пин. Прикинь, героями! И ты, кстати, тоже.

Пин моргает, не переставая.

Нано наливает четвертый стакан и, не донеся его до рта, сгибается, блюет на стерильный пол.

Водой.

Желчью.

Кровью. Дергаясь от каждого спазма всем телом.

Ноги не держат, ладони натирает жесткое половое покрытие. Вдохнуть бы. У Нано не получается и уже непонятно, что еще может рваться наружу через обожженное желудочным соком горло. Он позволяет себя унести кому-то в белом – сквозь слезную муть на глазах не отличить стену от двери, а пол – от потолка, не то, что лица. Вдогонку несется: «Похоже, еще один», и кровь в висках отстукивает морзянкой: «Неправда. Все не так. Я не хотел».

5

Радиочастоты передают: «Мнения разделились. Гибель элиты Братства – естественный отбор или подвиг во имя Человечества?»

На заборах рядом с выцветшими лозунгами братства – свежие аккуратные приписки: «Не учите наших детей быть героями!»

***

Нано говорит, что защитные стекла в окнах домов и окуляры маски сильно искажают цвет солнца. Не такое уж оно и красное, скорее – рыжее. А пыль вокруг не рыжая – желтая, как песок в фильмах. А песок – вообще не песок, даже по химическому составу, если верить лаборантам из Братства.

Кстати о химическом составе. Дело вовсе не в радиации. В чем – пока не понятно даже химикам остановленного Завода, радиочастоты обходятся прогнозами и рассуждениями. Каждый поминает пауков, ржавую пыль, синюю плесень и виды биологического оружия. Вокруг развелось столько химиков-политологов.

Нано говорит, что при первом вдохе не понимаешь, то ли чихать хочется, то ли кашлять.

Что касается звуков – трава и вправду шелестит на ветру. Если заткнуть пальцами уши и пошевелить ими – пальцами, не ушами – получится похоже. Ветер нифига не свистит. Может, он был в тот день недостаточно сильным. О! Эхо. В негерметизированных домах с сохранившимися окнами и правда совершенно иное эхо. Не просто акустическое усиление звука, как в приграничных кварталах, а настоящий ревер. Прикольная штука, если орать в одного. Когда все вокруг орут гвалт получается, а не эхо.

Диван напротив кровати Нано стал для Пина родным. Чуть слева от середины он продавлен сильнее, и если развалиться поперек, как раз попадаешь задницей в яму, что многое объясняет. На одной подушке по диаметру ровно сто восемьдесят лиловых кисточек, на второй – сто семьдесят шесть, на третьей – сто шестьдесят девять и три проплешины. Окно по правую руку от дивана. Оно всегда

зашторено, потому что иначе свет бьет Нано в глаза. Пину кажется, что вечера теперь начинаются с полудня.

Каждый вечер Пин слушает рассказы Нано. Внимательно, не перебивая.

Пусть говорит. Пока может говорить.

– А кирпичи, какие они на ощупь?

– Смотря какие кирпичи, – отзывается Нано. – Корпуса Института построены из трех видов…

Иногда, пересекая рыжие пыльные улицы, Пину хочется снять маску и чуть-чуть, хотя бы в пол-легкого вдохнуть ядовитый воздух, как любили говорить про алкоголь прадеды – только для запаху. Небольшая, теоретически безопасная доза, но Пин не поддается соблазну.

Если смотреть на Нано отстраненно, можно представить, что это и не он вовсе. Просто старая, облупившаяся кегля – не живое тело, усеянное мокрыми язвами, с двумя гноящимися глазами на лысом отростке.

– Я тебе завидую, – говорит Пин.

Нано сухо смеется с кровати. Сипло спрашивает:

– Заболел что ли?

– Ты теперь знаешь, ради чего жил. А я до сих пор не врубаюсь.

– Салага, – Нано харкает кровью на подушку, утирает губы уголком простыни, который уже стянула коричневая корка. – Нужен смысл? Сейчас придумаем. Для начала научись драться по-человечески, а не как девчонка.

– На смысл жизни не тянет.

– Это первостепенная задача, – упирается Нано. – Толку от смыслов, если тебя отморозки опять в бетон утрамбуют?

Пин морщится, сросшиеся ребра тотчас отзываются, ноют, как перед сухой грозой.

– С задачами я как-нибудь сам разберусь. Давай что-нибудь посущественнее.

– Лады, – Нано щурится, задумавшись. Тычет в Пина пальцем. – Ты должен стать Главой Города. У тебя получится, я серьезно. Только контролем шибко не увлекайся, я тебя знаю, запросто доиграешься до

военной диктатуры и не заметишь. Лучше обеспечь свободу выбора. Такую, чтобы была равноценная альтернатива, а не по принципу «прими или сдохни». Придумай идеальный мир, у тебя полно времени. А когда придумаешь, поставь мне вот такенный памятник на Главной Площади, чтобы с самого Института видать было.

– Идиот, – Пин замахивается подушкой, но не бросает – сплошная язва, накрытая простыней, взвоет от боли. Пусть лучше смеется, пока может.

Надтреснутый хохот быстро скатывается в кашель. Нано зарывается лицом в подушку, Пин сует ему стакан с водой, но Нано, не глядя, отмахивается, проливает воду, случайно задев стакан. И когда Нано, успокоившись, со свистящим глубоким вдохом разворачивается, Пин опасается увидеть размазанные по наволочке мозги.

– Я придумал, – серьезно говорит Нано и облизывает кровоточащие губы. – Если тебе так уперлось получить миссию, отнеси меня за Город. Не хочу подыхать здесь.

Любой крест – тяжелая ноша. Пин подготовился, как мог – спровадил сиделку, достал машину с запасной канистрой драгоценного бензина, чтобы довезти Нано до городской ограды, и сделал две пробные вылазки до утиль-базы. Из обломка полукруглой детской горки и старого матраса с торчащим сквозь обивку прогнившим поролоном соорудил подобие саней.

– Я не буду с тобой прощаться, – предупреждает Пин, укладывая Нано на матрас.

Уродливая колыбель раскачивается взад-вперед, пока он раздевает Нано. Пина самого вот-вот укачает, к тому же от больной плоти воняет так, что фильтры маски не справляются.

Не сдержавшись, Пин спрашивает:

– Оно того стоило?

В ответ Нано закрывает глаза.

Комбинезон решено сжечь в Институте. Пину всегда нравилась идея ритуального костра, а тут такой повод, грех упустить. Символическое избавление от идентификационного отпечатка. Пусть данные Нано хранятся в десятках реестров, штамп на лбу маски –

особый. Клеймо. Его надлежит стирать в особо торжественной обстановке.

Не беда, что из-за этого комбинезон приходится тащить лишним грузом, хотя в развалинах приграничных кварталов можно и вертолет при желании на века запрятать, зато есть, что подложить Нано под голову, чтобы видел дорогу – пересчитывать набухшие в небе тучи раз за разом и на здоровую-то голову тяжко.

Кстати, от солнца тучи не спасают. Оно умудряется обходить их по хитрой траектории, чтобы нещадно припекать Пину затылок.

Перила детской горки нехотя скользят по сухой земляной коре, изредка спотыкаясь о клочки выжженной до желтизны травы. Пин толкает «сани» вперед, так оказалось проще, чем тянуть за собой. Нано молчит, и дорога кажется одуряюще длинной.

Институтские стены издали обыденны и приземисты до разочарования. Пин берет чуть влево, чтобы обогнуть ограду и зайти в Институт с той стороны, где Братство оставило распахнутыми ворота. Они ведь собирались вернуться.

По бетонированным дорожкам передвигаться легче. Корпуса Института построены очень близко друг к другу и щедро накрывают территорию тенью. Пин глазеет по сторонам на скрюченные деревья с растопыренными голыми ветками, на устоявшие скелеты скамеек и раскрошившуюся местами ленту бордюра, на облупившиеся пожарные лестницы и изгрызенные временем стены.

– Ты говорил, что абсолютно все окна целы.

Пин разворачивает «колыбель» лицом к одному из зданий, в окне которого красуется внушительная лучистая от трещин пробоина.

– Никому нельзя верить, – отзывается Нано. Его плечи нервно вздрагивают, поначалу заставив Пина напрячься, но это всего лишь смех. – Никогда никому не верь, Пин, – говорит он, смеясь все сильнее. – Особенно, если тебе обещают чего-то не делать.

В хохоте нет сарказма, напротив, Нано выглядит бесконечно счастливым.

Концентрические круги клумб будто созданы для костров или стрельбы по мишеням с воздуха. Комбинезон горит плохо, хоть Пин и щедро полил его бензином, тяжелая ткань упорно не поддается огню, не помогли даже сухие ветки, разбросанные поверх в помощь пламени.

В конце концов, устав бороться с химзащитой, Пин бросает последнюю ветку в костер и садится прямо на камни спиной к Нано, который отказался перебраться на скамейку, и теперь глядит на хилые всполохи со своей ущербной колыбели, застыв молчаливым изваянием, будто зацепился за какую-то мысль, и она оказалась важнее всего на свете.

– А ведь в итоге никому нельзя верить, – наконец озвучивает Нано. Под перилами слегка раскачанной «колыбели» хрустит бетонная крошка. – Одни врут, другие ошибаются, третьи не договаривают. Возьми хоть Правление, хоть Братство, хоть своего Бога. Уж извини. Итог слепой веры один.

Нано вытягивает шею, кроваво сплевывает на асфальт последний зуб.

– Я тоже врал, – сознается Пин. – Я не собираюсь становиться Главой Города.

И передразнивает:

– Уж извини.

К каркающему смеху Нано никак не привыкнуть. Пин вытягивает из костра уцелевшую ветку, задумчиво ворошит комбинезон, разбрасывая искры.

– Может, нам не обязательно таскать на себе столько защиты? – спрашивает он, глядя, как ткань начинает плавиться, словно пластик. – Должен же быть какой-то облегченный вариант.

– Придумай, – подбадривает Нано. – Придумай такую, от которой избавляться не захочется.

– Ладно, придумаю.

Сложно сдержать слово, если обещал не прощаться.

У Пина горечь во рту то ли от едкого дыма, просочившегося сквозь фильтры, то ли от чего-то менее очевидного. Песчаный оползень покрыл сапоги тонким рыжим слоем. После жара костра лучи красного солнца не так обжигают, да и налегке идти гораздо проще. Если мерить чисто физическими величинами.

Если верить учебникам по анатомии, без еды и воды Нано продержится около трех суток.

Если верить химикам Братства, у Нано в запасе дня полтора, чтобы надышаться.

Если верить радиочастотам, городские бульдозеры уже утром сравняют Институт с землей.

Если верить церкви, испытания Адом для Нано подходят к концу.

Если только верить.

И Пин верит. Пин искренне верит во все обещания и догмы. Исполненный решимости и оптимизма, он наконец-то уверен в своем предназначении и мысленно рисует себе планы на годы вперед, пока возвращается через пустырь в родной Город – в пристанище выживших, в крепость, защищенную оградами, фильтрами, законом и правилами. В по-настоящему безопасное место.

А закатное солнце слепит его глаза карминовым светом.

The Конец.

3.1 Габ ничего не понимает в искусстве

Пятнадцать ноль-ноль – время обхода. Взяв планшет и табель, Габ выходит во двор Завода и оглядывает залитый светом асфальт.

Территория Завода огромна. Даже если смотреть сквозь стены корпуса, взгляда не хватит упереться в плиты забора, они так и останутся за линией горизонта. Участок, вверенный Габу, гораздо меньше: административные корпуса, столовая, парковка на двадцать экипажей. И треклятый участок забора, отсекающий Завод от жилых кварталов.

Назаборная живопись существует, сколько Габ себя помнит. Начинать день со звонка в Отдел чистоты уже стало привычкой, для рабочих не приходится проводить инструктаж, только указать изрисованный участок. Обычно террористы Братства расписывают забор только ночью, поэтому во время дневного обхода Габ не покидает периметр, за редким исключением, вроде вчерашней угрозы «Суки, вам это зачтется». Но это художество не в счет – лишь развлечение молодежи. Экспрессивность угрозы и размашистость черных мазков отражают скорее накипь эмоций, нежели гражданскую позицию, а неточность в передаче эмблемы выдает новичка с головой.

Впрочем, Габ ничего не понимает в искусстве.

Через три метра влево от центрального входа – кабина патрульного номер один. Патрульный на месте, как и положено. Габ козыряет служивому, направляясь дальше, к следующему посту. Пятнадцать ноль две.

В пятнадцать тридцать Габ поднимается по некрашеной бетонной лестнице на второй этаж административного корпуса. Инстинктивно задерживается возле информационного стенда, но ненадолго – новостей никаких, разве что уголок таблички «Снимать комбинезоны запрещается» загнулся, скоро ее заменят.

Ровно в пятнадцать тридцать три табель ложится на стол Полковнику.

– Все на месте? – спрашивает начальник. В табеле перед его носом все позиции отмечены, но Полковник переспрашивает, трет

маску у подбородка и стучит по столу позолоченной шариковой ручкой.

Габ отвечает: «Да, босс».

Полковник по-генеральски размашисто подписывает табель, придвигает к себе настольные часы из резного дерева и выставляет в графе точное время. Пятнадцать тридцать пять, все по графику.

– Порядок – самое ценное в нашем угробленном мире, – изрекает Полковник, откинувшись на спинку кресла.

Вся эта демонстрация значимости предназначена не Габу. В кресле напротив Полковника сидит посетитель. Он сутулится и, закинув ногу на ногу, сжимает колено сцепленными в замок пальцами. На коленях – большая мешковатая сумка. На месте Полковника Габ не утруждал бы себя рисоваться перед такими людьми. Люди, одетые в комбинезоны, все похожи друг на друга, но гость Полковника давно не менял сумку и ботинки, истрепал их так, что кожаные перемычки испещрены трещинами, а пятна с покрытия уже вряд ли выведешь. Неряшливые люди вызывают у Габа презрение.

– Сержант, ты разбираешься в искусстве? – спрашивает Полковник.

– Нет, – признается Габ.

Гость меняет ноги и сжимает колено еще сильнее.

– Вот скульптор предлагает сделать нам бюст к юбилею генерала, – говорит Полковник, машет рукой. – Показывайте, что вы там за образцы принесли.

– Я, вот… – голос у Скульптора неожиданно высокий, какой-то писклявый. Он снимает гермозащиту сумки, копается внутри и выкладывает на стол перед Полковником статуэтки. Крыса с усами-лесками, глиняный череп с камнями в глазницах, корявое дерево из непойми-чего.

– Я люблю смешивать материалы. – Еще несколько изделий хаотично выстраиваются перед Полковником.

– А это из чего? – Полковник подцепляет за хвост крысу и поднимает над столом. Одна половина фигурки покрыта шерстью, вторая – оголенное гладкое тело молочного оттенка. Усы-лески топорщатся и подрагивают от малейшего колебания жирного тела на весу.

– Алебастр и мех, – отвечает скульптор.

Крысиный маятник проходит еще раз по амплитуде и небрежно опускается на стол.

Повисшее молчание свербит. Скульптор ерзает на стуле слишком громко и сам же смущается.

– Я подумаю, – наконец-то рубит Полковник. – С вами свяжутся.

Скульптор нервно и поспешно кивает, кажется, он рад убраться поскорее, и даже заказ уже не важен. Рука Скульптора тянется за статуэтками, но Полковник пресекает:

– Оставьте.

– Оставить? – переспрашивает Скульптор. Он так и стоит, нависнув над столом с протянутой рукой. В другой – разинувшая пасть сумка.

– Оставьте.

– Хорошо. Но, думаю, вот это вам вряд ли понадобится, – Скульптор тянется к белому квадрату с неровно отбитыми краями, что лежит между бюстом женщины-львицы и варварской имитацией статуи Мира.

– Все оставьте, – командует Полковник. Он вынужден повторить еще раз, прежде чем Скульптор отнимает руку. – Мы с вами свяжемся.

Когда за Скульптором мягко закрывается массивная дверь, Полковник кладет перед собой белый квадрат, склоняется над ним, подсветив настольной лампой, как хирургическим светильником. Он изучает квадрат несколько минут, ставит на ребро, меняет угол освещения. Затем, нервно вручает квадрат Габу:

– Исследуй.

У Полковника особое чутье на болевые точки и нездоровая тяга давить на них. Габ уверен, для таких мирное время – бесцельно прожитые годы, и не удивлен приказу. Раз Скульптор норовил забрать квадрат, значит, именно он – самое ценное из предъявленных безделушек.

Исследовательские возможности Завода велики, а особое распоряжение за подписью Полковника снимает любые пороги доступа. За несколько часов в лабораториях выясняют состав – гипс без примесей, без обработки, без покрытия. Химически чистый продукт. Цельный объект с постоянной плотностью и составом по всей

площади. Просто необработанный кусок гипса с рваными краями и шершавой поверхностью. Сомнительный образец скульптуры.

Впрочем, Габ ничего не понимает в искусстве. И это взводит его тетивой арбалета.

На улице совсем темно и идет дождь. Сильный, лупит по капоту машины едва ли не громче рычания мотора. Ничего не видно на расстоянии вытянутой руки, и фары помогают слабо. В такую непогоду лучше вообще не высовываться, тем более – ехать в рабочий район почти у самых приграничных кварталов. Благо, от Завода совсем недалеко, а вот домой Габу добираться будет сложно.

Типовые поствоенные трехэтажки выстроились шеренгами вдоль дороги, Габ отсчитывает четвертую по нечетной стороне и въезжает во двор, паркуется на почти пустой стоянке. Помимо его машины, на парковке оставлены всего две: для рабочих бензин – недоступная роскошь. Что говорить о машинном масле и прочих прелестях?

Приложив ладонь козырьком к окулярам, Габ выскакивает из машины. Ливень ощутимо колотит по плечам, по макушке, толку-то от комбинезона, разве что не промокнешь. До подъездной двери всего десяток метров, но когда Габ влетает в очистительный тамбур, дождевая вода все еще стекает с комбинезона и расползается под ногами лужей.

Квартира Скульптора на третьем этаже. Габ поднимается по крашенным ступеням, которые выглядят гораздо чище исписанных стен. Настенная живопись, как и пустые парковки – тоже особенность рабочих районов. Нарисованные цветными карандашами знаки радиации, имена, обрамленные сердечками, чем-то выцарапанные на известке фразы «Это не жизнь» и строки из смутно-знакомой песни, запрещенной по статье «Экстремизм». У квартиры Скульптора вокруг кнопки звонка – развеселая ромашка из мужских гениталий, намалеванная красным маркером.

Габ постучал в дверь.

Ему приходится стучать несколько раз, все громче и громче, пока, щелкнув замком, дверь не распахивается сразу настежь, без вопросов «кто это» и сомнительных цепочек.

Скульптор и не думает здороваться, просто стоит по ту сторону порога и смотрит исподлобья. Он удивлен, бос и взъерошен.

Габ решает сразу перейти к делу.

– Я хочу узнать что это, – он достает из сумки белый квадрат, протягивает через порог Скульптору, но тот не спешит принимать свое творение. – Это не просто кусок гипса, верно?

– Верно, – отвечает Скульптор и прикусывает изнутри губы, жует их. Кровожадное зрелище.

Смотреть в глаза посторонним людям неприятно. У Скульптора они узкие и холодные. Габ видит недоверие, иронию, при этом кожей, даже сквозь свой служебный комбинезон повышенной защиты, чувствует неприязнь. И не важно, что Скульптор выглядит почти безобидным, когда стоит в освещенном коридоре в одних легких широких штанах и чешет крыло демону-татуировке на правом плече.

Не перед таким стоять с протянутой рукой.

Габ одергивает руку, в который раз вглядывается в щербатый гипс, и когда вновь переводит взгляд на Скульптора, замечает в лице перемену.

– Заходи, – Скульптор отступает в освещенный коридор и, проследив, чтобы Габ захлопнул дверь, исчезает за косяком.

В слишком просторной для одного жильца квартире коридоры похожи на лабиринт. Такие жилплощади достаются лишь многодетным семьям, чем больше имен младших детей в списках экстренной мобилизации, тем больше квадратных метров. Квартира скульптора тянет на трех братьев. Из всех комнат подобием жилого помещения можно назвать только кухню.

Две дальние комнаты расположены друг против друга. У одной закрыта дверь. Вторая – пуста, но лишь на первый взгляд.

При полном отсутствии мебели комнату заполняют стены. Гипсовые перегородки стоят в полуметре друг от друга, так, что можно протиснуться между только одному человеку. Скульптор включает свет, и свисающие с потолка лампы обнажают шершавую белизну.

«Этот псих запросто может оказаться ‘’смертоносцем’’», – думает Габ, разглядывая гипсовых близнецов, пока не замечает выбоины в дальней стене. Разбросанные по всему полотну, они словно вынутые кирпичи нарушают целостность.

– Эта стена несущая, – замечает Габ, – ее нельзя деформировать.

– Саму стену я не трогал, только покрытие, – объясняет Скульптор и, забрав у Габа белый квадрат, вставляет в одну из выбоин.

– Так в чем здесь искусство?

Габ готов к рассуждениям о новом видении, недоступном простым солдафонам, о великой миссии и переворотах в мышлении, самоощущении, созерцании и мировоззрениях человека. Но Скульптор не пускается в пространные изъяснения. Он коротко предлагает:

– Разденься.

Статья 12/43, параграф 9. Принуждение к разгерметизации защитного комбинезона под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, который могут принести существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких приравнивается к террористическому акту.

Распрямить спину, ноги на ширине плеч, пальцы сцепить замком – штатское построение. Габ выворачивает кисти, хрустнув суставами.

– По Уставу административный служащий, находясь при исполнении, не имеет права снимать гермозащиту в присутствии посторонних индивидов.

Скульптор дергает плечами, прячет руки в карманы.

– Ну я тогда не знаю, как объяснить, в самом деле. Для тебя стена пустая, да?

– А это не так?

Скульптор мотает головой и касается пальцем стены, ведет им, описывая изогнутые линии.

– Я изучал тот фрагмент под микроскопом, – говорит Габ.

– Микроскоп не вариант. За деревьями леса не видно, здесь так же.

Понять, разобраться в пустых стенах уже становится делом чести. Но даже подойдя вплотную и почти касаясь стены лбом, Габ не различает ничего, кроме неровностей.

Вот для чего нужны магнитные замки на запястьях. Раньше Габ не попадал в ситуации, когда возможность снять защиту только с ладоней, оказалась бы полезной.

Стена на ощупь холодная, шершавая. Габ водит пальцем по гипсу, начиная медленно звереть от непонимания. Местами гладкий, словно отполированный, но чаще – выемки, зарубки, бугры. Нет, скорее – борозды. Линии. Непрерывные. Неровные. Извиваются. Иногда линии замыкаются, иногда пересекаются с другими. Узор. Этот похож на…

– Птица, – произносит Габ. Ведет подушечкой пальца вдоль выщербленного на стене крыла, отмечая выступы перьев, лапы, хвост и выше – к хохолку на крохотной голове. Линии настолько тонкие, что кажется, можно порезаться.

Перед глазами – пустая белая стена. Голый гипс.

Статья 28 параграф 9. Ради получения достоверной информации при расследовании, можно пренебречь ограничениями, описанными в предыдущих статьях.

На маске три магнитных замка, открывать в определенной последовательности. К чистому воздуху из респиратора примешивается внешний – в квартире Скульптора влажно и пахнет строй-материалами. По-первости без защиты окуляров свет ламп кажется очень резким. Слизистая на секунду обволакивает глазные яблоки защитной пленкой, но зрение быстро восстанавливается. И Габ смотрит на стену.

На стене – море. Спокойное. С песчаным берегом, на котором, расстелив пледы, развалившись в шезлонгах, живут люди. На них нет одежды, на лицах нет масок. Они что-то пьют из фигурных стаканов, бросают друг в друга мячи, обсыпаются песком и выглядят идиотами. Счастливыми.

Габ шагает вдоль стены, вглядываясь в фигуры. Вынимает из стены белый квадрат, вроде бы изученный в лаборатории досконально до малейшего изгиба. Но лишь сейчас тонкие черточки складываются в женскую ладонь. Если приглядеться, можно различить витиеватые браслеты на запястье.

– Кто она? – спрашивает Габ.

– Та, кто выбежала из волны.

Хозяйка ладони с браслетами – единственная со стены, кто скрывает лицо за маской. Вот только ее маска – дикость для нынешнего мира. Это не защитный шлем, скорее – карнавальное прикрытие, в котором на месте респиратора и окуляров – прорези. Женщина танцует, скачет на одной ноге, ловит прибрежный ветер ладонями, и он, довольный, развевает тесемки купальника, спутывает длинные темные волосы (Габ готов поклясться – темные!), спадающие на едва прикрытую грудь.

– Всю стену заказчику не принесешь, приходится выдалбливать фрагменты, – объясняет Скульптор. Оказывается, все это время он

стоял в углу, чтобы не мешаться.

– Я могу забрать это? – спрашивает Габ. И, получив ответ, упаковывает белый квадрат в сумку, в папку между документами. Жаль, нет коробки или хотя бы куска ткани, обернуть хрупкий гипс.

Ливень утопил асфальт и сразу залепил окуляры – не разглядеть, куда ставишь ногу.

Добравшись до машины, Габ укладывает сумку на пассажирское сидение и включает очистку окуляров. Безропотная техника чистит линзы от ливневой грязи, силится вернуть зрение, но Габ все равно чувствует себя слепым, и единственное, что отчетливо видно сквозь все слои стекла, воды, отравленного воздуха – центральную башню, с горящим табло счетчика Гейгера.

4.1 Поджигатели

«Возгорание у Восточной стены».

Семнадцать секунд. Ровно семнадцать секунд прошло с того момента, как инспектор Риз Третий сообщил дежурному о дымовой ленте у самой ограды города.

Надпись часто мигает на дисплее, зависшем над приборной панелью, словно монохромный флаг, селектор информатора требовательно пищит. Надо дать подтверждение, что информация получена, иначе он не заткнется. Сигнал идет абсолютно во все военные машины, не разбирая, чья она – патрульного, офицера или городского Главнокомандующего. Так сказано в Уставе, хотя в оповещении последнего инспектор сомневается.

Столп дыма растет из-за крыш заброшенных кварталов и сизым шлейфом крадется к шпилю центральной башни. Инспектор догадывается, что здесь горит. Очередной автомобиль, угнанный прямо с парковки. Никаких свидетелей, никакой связи между владельцами, не имеющими никаких очевидных врагов. Никаких зацепок.

Этот поджог – пятый за два месяца, и инспектор впервые оказался так близко.

Сквозь респиратор просочилась гарь, на языке сразу стало сухо. Горит совсем близко – минуй последний двор, и увидишь. Хорошо, что в машинах военных двигатели почти бесшумны, и по ржавой высохшей земле она не едет – крадется. Для инспектора Риза Третьего дело «поджигателей» – особое, и в такой близости от пожара сложно сохранять холодной голову. Маска липнет к взмокшим вискам, перчатки – как вторая, но ненадежная кожа на пальцах. И только метроном в груди не подводит, стучит размеренно. Тук. Тук. Тук. Тук. Долгие годы упорных тренировок.

Если бы не межкомнатные перегородки, этот последний на пути дом просвечивал бы насквозь – устояли только стены, ободранные временем до кирпичных ребер. Инспектор останавливает автомобиль

поодаль, глушит мотор и, взяв наизготовку табельный ПМ, крадется вдоль стены.

По ту сторону баррикады слышны голоса. Разнузданные, высокие.

Инспектор включает встроенную в окуляры камеру, для протокола произносит: «Приступаю к задержанию» и добавляет мысленно, обращаясь к весельчакам: «Пожалуйста, не вздумайте убегать».

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Два шага до поворота. Один. Тук-тук. Риз Третий выходит из-за угла, готовый выкрикнуть положенные «стоять» с предупреждением об аресте, но молчит и, ошалевший, опускает ствол. Горит действительно машина. Совсем близко – шагах в пятнадцати. И поджигатели, за головы которых инспектору обещан чин, веселятся тут же. Держась за руки, они скачут хороводом и выкрикивают не то стишки, не то частушки. Их четверо, каждый – с метр ростом.

– Дети? – растерянно произносит инспектор вслух слишком тихо, чтобы расслышали хулиганы, но достаточно громко, чтобы встряхнуться самому. Те же годы упорных тренировок возвращают голосу официозную сталь, поднимают оружие, берут прицел: – Стоять! Руки за голову, ноги врозь.

Смех прекращается резко. Восемь окуляров обращены к инспектору, восемь рук поднимаются вверх.

– У-и. У-и.

– Бак-бак.

– Фью-фьють-фью.

– У-у-у-ть.

– У-и. У-и.

Четыре звонких голоса имитируют сигнал гражданской тревоги. Респираторы искажают звук, заставляют голоса звучать оцифрованно и действительно похоже на сирену. Восемь детских ладошек крутятся над головами, восемь ног отплясывают издевательский кордебалет. Инспектор Риз Третий застыл истуканом с пальцем на курке. По Уставу он обязан выстрелить.

***

Кабинет высокого начальства призван устрашать. Темно-серые стены, бронированные шкафы-сейфы вдоль стены слева от громадного

зарешеченного окна, справа от него – утопленное в защитную нишу рабочее место. Кресло посетителя стоит напротив и стола, и окна, и двери, почти в самом центре комнаты. Идеальная мишень со всех позиций.

– Мне в штате сопли не нужны! – Воен-полковник упирается кулаками в стол, локти растопырены, как мощные крылья, на плечах поблескивают острыми краями чеканки со званием. – Если солдат по Уставу обязан выстрелить, он – стреляет, а не смотрит, как преступники скрываются с места преступления. Или этот пункт у тебя из головы вылетел?

Инспектору Ризу Третьему по званию не дозволено говорить в присутствии Воен-полковника, поэтому он сдержанно мотает головой. Устав Риз Третий знает наизусть и может повторить каждый пункт, начиная с любого слова. При оказании сопротивления преступником солдат обязан выстрелить. Если преступник убегает – в ногу, если вооружен – сначала в руку, при крайней степени угрозы – на поражение. Инспектору доводилось стрелять в людей, он точно знает, что пробитый защитный комбинезон гарантирует оттянутую мучительную смерть в госпитале-изоляторе. Или в квартире, на глазах у родных после оправдательного приговора.

Ни одна сожженная машина не стоит смертного приговора для отбившейся от рук школоты. Так считает инспектор Риз Третий. Его объяснения изложены в рапорте и не признаны весомыми аргументами.

– Слабость непростительна для солдата, – Воен-полковник не скрывает презрения. – Особенно в твоем случае, инспектор. За поимку поджигателей тебе обещано звание, Воен-майор передал мне твое дело, – подхватив сверху внушительной стопки папку, Воен-полковник трясет ею в воздухе и снова бросает на стол. – У тебя совсем мало времени. Когда твоему брату исполнится шестнадцать? В ноябре? Всего четыре месяца осталось. Двадцать дней уйдет на обвинительный процесс, еще тридцать пять на оформление звания и минимум пятнадцать – на подачу готовых документов в социальный комитет. Итого девяносто дней из ста двадцати уйдет на бумажную волокиту. У тебя есть всего месяц, чтобы задержать поджигателей. Иначе имя твоего брата будет в общем порядке внесено в реестр мобилизации, – Воен-полковник откидывается в кресле, разводит руками. – Наше

Государство укреплено и защищено. Нужно быть полным отморозком, чтобы объявить нам войну. Но кто знает? Кто знает?

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Воен-полковнику не увидеть, как Риз Третий под маской закрывает глаза и сжимает вместо кулаков зубы.

Он – инспектор Мирного Управления – догадывается, куда каждый месяц пропадают люди, рискнувшие пересечь городскую ограду. И почему сокращается список мобилизации, если к сроку пересечь ограду не находится желающих.

Из пыточной Воен-полковника инспектор Риз Третий попадает прямиком к Воен-майору – старик не дал шанса разминуться в узком казенном коридоре, приказом пригласил в свой кабинет.

– Ну как воспитательная беседа? – спрашивает Воен-майор, усаживая инспектора на стул для посетителей.

В его кабинете нет решеток на окнах и рабочее место открыто для обстрела с улицы, но чувствовать себя свободнее у Риза Третьего все равно не выходит.

– Вдохновляет, – отвечает инспектор хмуро. – Вы отдали мое дело руководству, чтобы меня взяли на карандаш?

– Конечно, нет! – скрипит Воен-майор. – Чтобы напомнить тебе, в какие времена мы живем, – он достает из ящичка стола курительную насадку, крепит ее на респиратор. Пока Воен-майор роется по ящичкам в поисках табачной колбы, вдыхательная и выдыхательная трубки торчат и колышутся при движениях головы, как усы большой вымершей рыбы. Риз Третий силится вспомнить ее название по картинкам в детских книгах и не может.

– Мы живем в чудовищные времена, сынок, – продолжает Воен-майор, вставив вдыхательную трубку в курительную колбу. Два щелчка переключателем на донышке, и темный дым осторожно поплыл по прозрачной трубке. Воен-майор делает сиплый вдох, задерживает дыхание и выпускает отбеленный легкими и респиратором дым через выдыхательную трубку в комнату. Запах табака освежает привычную стерильность воздуха. – То, как мы засрали планету, непростительно. Но то, во что мы сами превратились – вот что страшно на самом деле. До Войны за Землей наблюдали орбитальные станции и всякие спутники, летали беспилотные аппараты и ракеты выпускались нажатием кнопки. Ты не

представляешь, сколько было военной техники. А мирной – еще больше, – старик снова затягивается в полные легкие. – Технологии, коммуникации, урбанизации и прочая и прочая. У нас было столько ресурсов! И все просрали в Войне. Она была самой короткой в истории человечества, между прочим. Зато урон… я не знаю, сколько понадобится времени, чтобы нам снова выйти на тот же технический уровень, учитывая, что ресурсов земли осталось с гулькин нос, и те идут на имитацию нормальной жизни. Какие там полеты в космос, если мы устойчивую связь между городами наладить не в состоянии. Тьфу. И при всем при этом, мы никак не отучимся воевать. – Воен-майор вздыхает, сетуя, забыв о табаке, и громко надсадно кашляет в респиратор. – Да чтоб тебя, ни вдохнуть, ни сдохнуть! Херню какую-то придумали, – вынув вдыхательную трубку из колбы, он поправляет насадку и возвращает трубку на место. – Хотя, и на том спасибо. Табак испокон веков был лучшим другом солдата, знаешь ли. Я много книг прочитал о том, как раньше воевали, штук восемь-девять – все, что нашел. Беда в том, сынок, что мы без силовых методов дерьмом беспомощным себя чувствуем. И раньше, и сейчас. Это время только называется «мирным». Разведка, мелкие подрывы стратегически важных объектов противника раз в квартал, чтобы не расслаблялись и не убежали вперед в развитии. Чьими руками все это делается, как думаешь? М? Тратить на такие операции военные обученные кадры слишком расточительно. А вот нарушители и избыточные члены ячеек общества – в самый раз. Собственно, для того и существуют списки мобилизации, брешь прикрыть. У нас нет мощной техники, теперь люди – наш главный расходный материал.

Риз Третий прячет за маской саркастическую ухмылку.

– А что, когда-то было совсем по-другому?

Хохотнув, Воен-майор давится дымом, кашляет надсадно и долго. Мотает головой.

– Может, и не было, сынок. Но ты… ты должен верить, что будет.

***

В департаменте техподдержки особая атмосфера. Устойчивый запах пластика и нагретой пыли надолго забивает поры респиратора, яркое освещение режет глаза, точечные лампы для подсветки приборов выхватываются боковым зрением, как мощные оптические прицелы. О

неприязни к подвалам техников инспектор Риз Третий слышал даже от бывалых солдат. У новичков эти подземные катакомбы провоцируют паранойю.

На маленьком плоском экране – запись с камеры окуляров инспектора Риза Третьего, документальное подтверждение его слабости. Маска техоператора беспристрастна, но инспектор готов поклясться, что техночервь насмехается над ним и осуждает. Он считает до двадцати трех, как учили на курсах управления гневом, пока метроном не входит в обычный ритм. Тук. Тук. Тук. Тук.

Самый сложный эпизод – попытка догнать поджигателей; инспектор слышит свой голос, требующий сдаться, и улюлюканье удирающих хулиганов. Ему кажется, что техночервь давится смехом и втихаря копирует запись, чтобы показать своим друзьям.

– Перемотай на пять секунд раньше, – требует инспектор тоном старшего по званию. – Еще чуть назад. Еще. Вот. Теперь замедли. Сейчас. Сейчас. Стоп! Увеличь.

Техночервь крутит ручки, двигает фейдеры и выводит во весь экран маску одного из поджигателей. Настолько крупно, что в размытых линиях можно разобрать номер.

Вел/хххх.5432.6435

Ш02

Инспектор Риз Третий забывает про неприязнь к технооператору, задумчиво трет подбородок. Школа №02 имеет статус благополучной, и район, расположенный в самом центре Города, редко мелькает в сводках происшествий, там даже степень активности Братства ниже единицы, если память инспектора не подводит.

По базе социального департамента, семейная ячейка 6435 помечена как образцовая. К таким не сунешься с подозрением в правонарушении, и арест на таких запросто не выпишут. Требуются неоспоримые доказательства. Весомее нечеткой записи оперативной камеры.

***

Директор школы возмущен до запотевших окуляров. Никто не смеет пропускать занятия, нигде так строго не следят за учениками, с уроков раньше никого не отпускают. Инспектор Риз Третий не перебивает пылкую тираду директора, тот повышает голос,

жестикулирует и чуточку шепелявит. Когда он выдыхается, инспектор просит предоставить расписание для класса 3А.

– Вот, ознакомьтесь, – директор разворачивает перед Ризом Третьим длинную ленту склеенных разлинованных листов, ведет пальцем по таблице расписания. – Первая неделя, вторая смена – это дополнительные занятия, понедельник, вторник, четверг… вот… урок биологии, посещение зоопарка, – директор достает белоснежный мягкий платочек, протирает окуляры. – В это время их водили в Городской зоопарк. Подождите секундочку, достану подтверждающие документы. Они у меня здесь… вот папка… сейчас посмотрим. Вот список посещения Городского зоопарка. Так-так-так, все семнадцать учеников класса, вот и Вел, смотрите. Дата… время с тринадцати часов до пятнадцати двадцати… подпись учителя, подпись смотрителя зоопарка, печать пропускного пункта. Все на месте.

У инспектора Риза Третьего опускаются руки.

Если в Городе и есть место, где свободному штатскому невозможно затеряться или исчезнуть, то это Городской зоопарк. Громадный многоэтажный комплекс повышенной защиты, где собраны последние уцелевшие после Войны животные, не покореженные радиацией. Запертые в клетках звери чудом спаслись и теперь охраняются с особой тщательностью. Всех, кто входит на территорию зоопарка, фиксируют и помечают маячками. Всех заставляют сдавать комбинезоны. Никто из вошедших не выйдет за пределы зоопарка незамеченным. Идеальное алиби.

Каким бы ни было служебное положение, в Городском зоопарке приходится разоблачаться. Инспектор Риз Третий сдает в спецхранилище служебный комбинезон, ботинки, табельный ПМ и сумку с документами, ждет в кабине-раздевалке, переминаясь с ноги на ногу, в одном нижнем белье, пока не выдадут защитный костюм. Изучает памятку посещения Городского зоопарка, пока подберут браслет с маячком нужного размера, чтобы плотно облегал запястье. Снять его можно лишь специальным ключом. Только после всех мер предосторожности его пропускают внутрь.

Чтобы попасть в административное крыло, нужно подняться по лестнице на второй этаж, свернуть налево, пройти в конец коридора и по другой лестнице спуститься на этаж. В зоопарке прохладно,

защитный костюм мешковат и немного мешает, от запахов корма и навоза подступает тошнота. Риз Третий надеется, что в административном крыле воздух будет свежее, но тщетно.

Лицо у главного Смотрителя зоопарка такое благостное, что едва не светится, как на религиозных фресках. Правильные черты, мягкая улыбка и полное отсутствие отпечатка мирских тревог во взгляде, будто человек живет в ином мире, где не было Войны, солнце по-прежнему желтое, а детей рожают много и не отправляют бомбить химзаводы соседских государств. Инспектор вспоминает о брате и горячо жмет Смотрителю руку. Такие лица даются людям, призванным защищать и спасать. На это все надежды.

– Помогу, чем смогу, – уверяет Смотритель. – Следуйте за мной.

Коридоры административного крыла светлее, чем служебные. И чище. Все регистрационные книги и ведомости хранятся в архиве, разложенные по стеллажам в аккуратно помеченных папках. Папка с текущими ежедневными ведомостями лежит отдельно, Смотритель усаживает инспектора за стол, предлагает чаю.

– Спасибо, я, надеюсь, ненадолго, – отказывается Риз Третий, шурша страницами. Ищет среди аккуратных колонок. Нужная дата. Нужное время. Нужное имя. Минус одна надежда. – Скажите, зарегистрированный посетитель может на время покинуть территорию зоопарка и затем вернуться, без упоминания об этом в регистрационной книге? Скажем, при каких-нибудь экстренных обстоятельствах.

– Исключено, – рубит еще одну надежду Смотритель. – Для этого ему нужно снять маячок, а все перемещения маячка фиксируются электронным регистратором. Идемте в кабинет охраны, там вы сможете просмотреть записи камер наблюдения.

– У вас все записывается?

– Конечно.

«Твою мать, святоша, с этого и надо было начинать!» – негодует Риз Третий, благодарно улыбаясь Смотрителю, пока тот переписывает на клочок бумаги номер маячка и еще два коротких служебных кода.

В кабинете охраны стены светятся разнокалиберными экранами. Весь зоопарк, как на ладони. В микроминиатюре. Крошечными

точками движутся люди, яркими пятнами мечутся в клетках звери. Ни одного крупного плана и это сводит полезность записи на нет.

– Зато мы можем отследить маячок, – ободряет Смотритель, хлопает по плечу одного из охранников, просит: – Прокрути нам вчерашнюю запись. Вот коды. Инспектор, вам лучше присесть, просмотр – дело не быстрое.

Пляшут по клавишам пальцы, на экранах веером раскрываются стоп-кадры, их ряды редеют, меняются, пока не сходятся на одном файле. Охранник проматывает запись до нужной временной отметки и включает воспроизведение.

Толпа детворы заполоняет холл, перетекает в раздевалки и дальше – на следующий пост охраны; активированные маячки загораются красными точками. Охранник снова отбивает на клавиатуре чечетку и из маячков остается только один, рядом мигает его номер. Инспектор сверяет по записке – все верно.

Свора детворы растекается по зоопарку сначала общей бесформенной массой, затем от нее отпочковываются мелкие группки. Инспектор следит, не моргая, за красной точкой, которая удаляется все дальше и дальше от выхода. Она не остается одна, и рядом всякий раз заметно больше других, чем три.

Контрольное время прошло, а маячок так и двигается зигзагом между пумами, жирафами и бегемотами.

– Мне нужна еще одна запись, – инспектор трет виски, в глаза будто насыпали песка, в душе – будто убили все святое. – Этот же промежуток времени на камерах у раздевалок.

– Сейчас сделаем, – откликается охранник, снова раскладывая на экране пасьянс из стоп-кадров. Находит нужный. Проматывает в убыстренном темпе до заданного временного отрезка.

От рутины щиплет глаза. А, может, с непривычки столько сидеть перед монитором. Безлюдный коридор светится серостью и вдруг меркнет.

– Это что? – инспектор подается вперед, едва не навернувшись со стула.

– Сейчас узнаем, – охранник отъезжает в кресле к стене со шкафами, открывает верхнюю правую дверцу и глядит на приклеенный к ней список.

– Профилактика. Камеры второго сектора отключали на два часа.

Если мерить время секундами, его потери исчисляются дикими цифрами.

Откинувшись в кресле, инспектор Риз Третий глядит на клавиатуру и провода компьютера, на ряды мониторов и пытается подобно им, без помех эмоций, желаний и обещаний суммировать, тасовать и раскладывать в голове немногочисленные факты, вычленяя их совокупности, для которых можно добыть доказательства.

У него ничего не выходит. Перед глазами Риза Третьего рядом с алгоритмами фактов кривляется широколицая маска Воен-полковника, пыхтит курительной насадкой Воен-майор, шуршат бланки социального комитета, а прямо по центру над ними щелкают огромные часы. Чик-чик. Чик-чик. Чик-чик.

– Вы можете предоставить мне все записи за последний месяц? – спрашивает Риз Третий, перекрикивая стучащие в голове часы.

– Нет, инспектор, простите, – от извинений Смотрителя несет насмехательством. – В зоопарке шесть этажей, на каждом порядка тридцати камер слежения, которые работают круглосуточно. И это не считая административного крыла и усиленного контроля за входной зоной. Наших ресурсов хватает максимум на три дня. Более поздние записи восстановить нет никакой возможности.

– Значит, хорошо, что эта запись у вас еще в наличии. Мне нужна копия. Если есть необходимость, могу оформить запрос официально…

– Не обязательно.

– Замечательно. У кого есть доступ к раздевалкам и спецхранилищу?

– Только у персонала, – отвечает Смотритель, подобравшись. Меж бровей собирается хмурая складка, омрачая его благостную физиономию. – Инспектор, вы же не думаете…

– Я не думаю, я сопоставляю факты. Среди персонала есть дети?

– Конечно, нет!

– Что ж, в любом случае, мне нужен список всех, допущенных до спецхранилища. Пока это все.

– Сделаем, – заверяет Смотритель без былого энтузиазма. И споро провожает инспектора на выход.

От браслета с маячком остается на запястье красный след. У инспектора саднит в груди, и от прохлады зоопарка по рукам бегут

мурашки. Удивительно, но запаха, который поначалу разъедал ноздри, почти не чувствуется. Приелся. Или – въелся, и это как раз не удивительно. Инспектор Риз Третий не чувствует разницы между собой и живущими здесь зверями. Разница лишь в том, что они в клетках, а он – в кабине-раздевалке, ждет, пока принесут его персональный скафандр. Гомо сапиенс, тоже – чудом выживший вид. Зачем выживший? Для чего? Наверное, все, кто выживал, страстно верили в сакральное «будет». И сейчас верят. И передают свою веру по наследству. Но пока это «будет» не наступило, по привычке подставляют своих. Не важно, каким способом: отправляя шпионить за соседями или надевая чужой комбинезон, собираясь спалить очередную машину.

Инспектор выстукивает диском по ладони причудливый ритм, выстраивая цепочки ответов «кто?», «как?» и «зачем?». Он точно знает – зачем. Баловство, ребячество. Поджоги – выходка хулиганья, за которой бесполезно искать идейный смысл сродни вандалистским перформансам Братства. Инспектор видел их ритуальные пляски, они жгут машины просто потому что могут это делать. Ради веселья.

Как? На этот вопрос у инспектора два ответа и оба – причина бесполезности его единственной улики. Либо кто-то хранит в закромах защитный комбинезон с такой же маркировкой, как у благовоспитанного школьника Вела /xxxx.5432.6435, что при строгом учете и контроле Комитета Личной Безопасности почти невозможно. Либо кто-то позаимствовал у мальчишки кожу, чтобы порезвиться и сбросить обратно в спецхранилище зоопарка. И его не поймать кроме как за руку – дезинфектор любого подъезда прочищает комбинезоны насквозь. К тому же вряд ли его надевали в стенах зоопарка, проще вынести.

У Риза Третьего нет ни малейшего понятия – кто? Кто воспитал таких изворотливых и злобных выродков.

Вернули вещи, табельное и сумку. Инспектор Риз Третий запаковывается в гибкую броню, прячется под маску. Замечает, как его отражение в зеркале трет маркировку на черепе. Три ряда цифр и букв, которым бесполезно верить.

Когда инспектор Риз Третий покидает зоопарк, этот факт – совершенно бессмысленный для кого-либо – заносится в контрольную ведомость и фиксируется тремя камерами наблюдения.

Спустя две недели инспектор Риз Третий патрулирует с командой новобранцев приграничные кварталы, тренирует в полевых условиях терпение и внимательность новичков, рвущихся бороться за порядок. Обычно патрули проходят тихо, но команде инспектора везет. Группа радикалов-фаталистов, прозванных в народе «смертоносцами», загнала по разрушенным кварталам мальчугана. Могли б убить – столкнули со второго этажа, мальчишка чудом остался жив.

За их поимку инспектор Риз Третий получает звание и иммунитет для младшего брата. А дело поджигателей передается эстафетой свежей крови.

***

Над Юго-западной границей – серый шлейф. Растянулся вдоль горизонта, змеится, наползает на красный диск солнца. Старший инспектор Риз Третий замечает его, выходя из Управления, и бросается к машине, включает информатор. Ошибки нет – горит автомобиль в приграничном квартале. На дисплее – рапорт десятиминутной давности, селектор молчит, а значит, пожар уже тушат, новый инспектор, ведущий дело, уже на месте. И поджигатели опять ушли.

У старшего инспектора назначена встреча с консультантом по открытому делу, опаздывать нельзя, но Риз Третий выезжает на шоссе, ведущее к Городскому зоопарку, и включает сирену. Попутные машины шарахаются в стороны, старший инспектор летит по центральной полосе дороги, иногда выезжая на встречную. Он проносится мимо административного крыла зоопарка к парковке у центрального входа. Визжат тормоза. Резко хлопает дверь.

За четыре месяца входная зона не изменилась. Те же скамьи ожидания вдоль стен, те же камеры по углам, тот же охранник просит немного наклониться, чтобы скопировать код с маски в ведомость и ему по-прежнему до лампочки зеленая военная повязка на руке старшего инспектора.

– В зоопарке сейчас идет экскурсия? – спрашивает старший инспектор.

Охранник перелистывает страницу, ведет пальцем с нижней строчки вверх и зачитывает:

– Школа 12, класс 4Б.

Одно из условий задачи выполнено. Старший инспектор Риз Третий вбегает в коридор раздевалок и не запирает кабинку. Он снимает повязку, комбинезон, маску, обувь быстрее, чем на сдаче военных нормативов. Маячок несут слишком долго. Без него пройти не позволяет даже служебное положение. Старший инспектор Риз Третий переминается с ноги на ногу, стучит по двери подсобки, вежливо кричит: «Быстрее, я тороплюсь». Нетерпение жжет пятки. Сильно, будто он идет по следам поджигателей. Будто он ближе, чем четыре месяца назад.

Еще стук:

– Поторопитесь!

– Да иду, иду.

Дверь открывается наружу, Риз Третий отступает, чтобы не мешаться. Пропускает в коридор кабин-раздевалок сутулого карлика с браслетом маячка в руках.

– Чего такой нетерпеливый? – ворчит карлик звонким голосом, держит раскрытый браслет обеими руками: – Мне что прыгать до тебя? Наклонись.

Старший инспектор Риз Третий наклоняется, хватает одной рукой картонную дверь, не давая ей захлопнуться, второй – карлика за грудки. Мягкая ткань рубашки трещит в кулаке.

Карлик орет:

– Совсем оборзел? Охрана!

На охрану Ризу Третьему плевать, приструнить их полномочий хватит. Но старший инспектор не вытаскивает карлика в коридор на свет – вдруг кто зайдет, а толкает назад, в полумрак подсобного лабиринта. Впечатывает спиной в стену прямо под колбой люминесцентной лампы, чтобы видеть лицо.

– Сколько вас здесь, мудаков низкорослых? – наседает старший инспектор Риз Третий, тряхнув карлика на весу. – Четверо? Или больше? Поджигатели хуевы.

Карлик картинно ахает и виснет в руках Риза Третьего чучелом, больше не пытается брыкаться или звать охрану. Жесткие волосы торчат иглами. Пустые глаза глядят в одну точку. С одной ноги съезжает сандаль и шлепается на пол.

Будто не человека поймал – оболочку. Пустышку. Риз Третий глядит на добычу и приходит в себя. Остывает. Не отпускает карлика –

опускает по стене так, чтоб ноги касались пола, держит крепко у самого подбородка.

– Я ведь теперь знаю, кто ты, ублюдок. Я тебя в покое не оставлю. Я накажу тебя по всей строгости и бесчеловечности Государственного Закона за каждую сожженную машину, за каждого использованного тобой и твоими дружками ребенка, – обещает старший инспектор Риз Третий, и карлик «оживает».

Карлик смеется, сморщив кукольное лицо складками, скалит червивые зубы. Издевается.

– А докажи?

Тук-тук. Тук-тук.

Тук. Тук.

Старший инспектор Риз Третий разжимает кулак.

Если ехать с мигалкой, можно успеть на встречу с консультантом. Риз Третий экипируется спешно, но тщательно, прежде чем надеть маску, чистит обода окуляров, протирает полирующей тканью ботинки. Он без сожаления оставляет карлика на свободе, в подсобке Городского зоопарка, корчащимся от хохота и кривляний. Старший инспектор Риз Третий уверен, от безнаказанности рискуют потерять голову даже самые бдительные. Просто еще не время. Кстати, времени у старшего инспектора теперь предостаточно.

Поджигатели неплохо продумали свою забаву – надень чужую маску поверх собственной, и никто не разгадает, кто ты. Вот только старший инспектор Риз Третий маски «поджигателей» разгадал. И этот факт полностью меняет дело.